ОСОБЫЙ ЗНАК	1.htm	*борис братусь*
письма		
ТРАГЕДИЯ ВЕЩЕЙ КАССАНДРЫ	2.htm	*галина резапкина*
ПОД УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМ СТЕКЛОМ	3.htm	*елена коннова*
ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	4.htm	*альбина локтионова*
ВЗРОСЛЕНИЕ ДОЧЕРИ КОРОЛЯ	5.htm	*наталья шарова*
ПСИХОЛОГИЯ ОДИНОЧЕСТВА	6.htm	*адольф хараш*
ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ	7.htm	*юрий рост*
ДНЕВНИК МЛАДЕНЦА	8.htm	*даниэл стерн*
ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ	9.htm	*леонид жуховицкий*
ОТКРЫТЫЙ РАЗГОВОР О СВОИХ ЧУВСТВАХ	10.htm	*ирина бойко*
ПЕРВЫЙ УДАР	11.htm	*иосиф фурман*
тема номера МЕТАМОРФОЗЫ ГЕНИЯ		
ЗНАЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕННОГО ФАКТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАН ГОГА	12.htm	*вальтер райс*
ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ГЕНЕТИКА	13.htm	*владимир эфроимсон*
ГЕНИЙ, СЛАВА И БЕЗУМИЕ	14.htm	*михаил кутанин*
Я НЕ ЛУЧШЕ, НЕ ХУЖЕ РЕБЕНКА. ДРУГОЙ	15.htm	*владимир петрушов*
ЯРКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ С УГРЮМОЙ ВНЕШНОСТЬЮ	16.htm	
О ПОЕДИНКЕ МЕЖДУ ХАРАКТЕРОМ И ВНЕШНИМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ	17.htm	*людмила трубицина*
ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ	18.htm	*юрий азаров*
ЗАМЕТКИ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ	19.htm	*александра ленартович*
УРОКИ НА КАРТОЧКАХ	20.htm	*елена литвяк, елена хилтунен*
КАК НАУЧИТЬСЯ СЛУШАТЬ ДРУГ ДРУГА	21.htm	*светлана кривцова*
ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ	22.htm	*владимир дашкевич*
КОМПЬЮТЕР И СОЦИОЛОГИЯ ПОДРОСТКОВОГО НЕРАВЕНСТВА	23.htm	*юлия евстигнеева, владимир собкин*
ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ИГРОВОМУ ОБЩЕСТВУ	24.htm	*евгений сабуров*
КНИГИ	25.htm	*шеваров / верч*
рассказ **ПРИНОШЕНИЕ**	26.htm	*отец петр (иванов)*

ОСОБЫЙ ЗНАК

борис братусь
— доктор психологических наук, профессор МГУ, член-корреспондент Российской академии образования, член редакционного совета нашего журнала.

Если воспринимать мир совсем реально, информативно точно, со всеми его опасностями, подвохами, поворотами судьбы, внезапностью болезней и смерти, то можно в страхе замереть, застыть и вслед за поэтом воскликнуть: “Кто смеет молвить “до свидания” чрез бездну двух или трех дней”. А мы смеем, потому что привычно верим в свои завтра и послезавтра. И без этого остановилась бы жизнь.

Но такая вера незримо подразумевает нечто ей предшествующее, существующее до веры, то есть доверие. Доверие к миру, людям, Творцу. Основы его закладываются (или не закладываются) в раннем детстве, что во многом определяет дальнейшую судьбу. Человек, с тревогой и настороженностью смотрящий на мир и людей, постоянно подозревающий, сомневающийся в себе и других, обычно лишен в опыте детства того, что психологи называют “базовое доверие”. Это не означает, что к нему всегда плохо относились, не заботились, не баловали даже. Но от него все время чего-то ждали, требовали (пусть для его же блага), ему не дали пережить, реально почувствовать абсолютное приятие себя, приятие не за какие-то достоинства, а просто потому, что он есть, что он изначальная, сокровенная ценность. Явно или не явно ему ставили условие: мы одобрим и поверим в тебя, если ты исправишь, добьешься, докажешь, сделаешь то-то и то-то. При самых благих намерениях воспитателей у человека тем самым выбивается основание веры в себя — предверие, доверие со стороны значимого окружения.

В этом плане доверие — вера до свершения и подтверждения — особый знак и помощь, причем куда более ценная (и, уж конечно, более редкая), чем рентгеновский “объективный” разбор человека, стремление к восприятию его таким, “как он есть”. Нет человека, который при внимательном, ближайшем рассмотрении не обнаружил бы своей уязвимости, грехов, слабостей, иногда постыдных. Нет поэтому человека, который не нуждался бы в понимании, снисхождении и прощении, не нуждался бы в доверии, в том щедром, безусловном, царском авансе веры, который дается, несмотря на наше порою полное банкротство. Понятно, что этот шаг требует избытка, богатства души, дара любви и умения видеть, прозревать в человеке его возможную суть, предельный и прекрасный образ, замусоренный, поврежденный в каждом. И еще — мужества риска. Ибо поступающий, доверяющий, конечно, рискует и, с точки зрения обывателя, будет наказан, разочарован в большинстве случаев.

Если посмотреть на статистику и вероятность — это действительно так. Если же брать поднятые с колен человеческие судьбы, просветленные человеческие души, то сколь бы ни была мала вероятность, сколь бы ни редки были эти случаи на фоне неудач и поражений, они перекрывают все, и даже ради одного из них стоит рисковать. И мы рискуем, порой жестоко, доверяя, выбирая учителей, друзей, учеников, спутников жизни. Но ведь это единственный путь обрести их. И они идут навстречу, ожидая нашего доверия. |

ТРАГЕДИЯ ВЕЩЕЙ КАССАНДРЫ

галина резапкина,
психолог, балашиха

ВВЕДЕНИЕ В СПЕЦИАЛЬНОСТЬ /*александр колмановский* / **№2**

Жила такая дама в Древней Греции. Бог то ли наградил, то ли наказал ее даром пророчества. Несчастная искренне хотела помочь людям и пыталась предупредить их о грозящих бедах. Люди же не только не внимали ее предостережениям, но и считали именно ее виновницей всех своих несчастий. В конце концов ее сожгли на костре. Но легче от этого никому не стало.

Специфика работы психолога в школе в том, что он имеет доступ к информации, закрытой для посторонних людей. Эта информация – знание о некоторых особенностях человека – темпераменте, интеллекте, характере, эмоциональном состоянии. Принцип конфиденциальности запрещает передавать эту информацию третьему лицу без согласия первого, то есть клиента. Даже если клиент – второгодник и хулиган. А к психологу его привел учитель с просьбой “закодировать, чтобы не мешал на уроке”.

Попробуйте рассказать этому учителю о причинах неугодного поведения ученика в частности и о четырех причинах плохого поведения вообще; о том, что нельзя сравнивать детей и вызывать у них чувство вины за свои промахи – в лучшем случае вы столкнетесь с недоумением, а в худшем – с откровенной агрессией учителя. Роль борца за права детей очень привлекательна, но, становясь в оппозицию учителю, психолог вместо союзника приобретает в лице учителя противника. Ученик же оказывается между понимающим и принимающим психологом, от которого мало что зависит в школе, и учителем, который при желании может отравить ученику жизнь.

В ходе консультации выявлена группа учеников с крайне неблагополучным психоэмоциональным состоянием. Как правило, проблем взрослым эти ребята не создают. Пока кто-то из них не попадет в секту. Или не выбросится из окна. Психолог их вычислил. Что дальше делать с этой информацией? В какой форме и каком объеме довести её до взрослых, чтобы не причинить вреда ребенку? Хороший психолог понимает необходимость встраивания в систему ценностей клиента. Но иногда эти ценности настолько далеки, что реакцию учителей или родителей трудно прогнозировать. А как быть? |

ПОД УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМ СТЕКЛОМ

елена коннова
бронницы, московская область

ПСИХОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ / *владимир зинченко* / **№2**

Я выросла в обыкновенной семье, без бабушки. Родители видели меня утром, когда отправляли в школу, и вечером, когда приходили с работы. И всегда, встречаясь, я слышала их вопрос: “Как дела в школе?”. И всегда отвечала: “Нормально”

.Мои успехи принимались как должное, а за неудачи ругали. Если мне требовалась помощь, то родители отправляли меня к книгам, ссылаясь на то, что я уже взрослая, читать умею, и вообще надо быть самостоятельнее. Это всегда меня очень злило, потому что на самом деле я хотела, чтобы мама или папа побыли только со мной, но они редко попадались на мои уловки. Мои родители совсем неплохие люди и, наверное, переживали за меня, но только по-своему, по-взрослому, не делясь своими чувствами со мной. А еще они были всегда заняты раб

отой и им просто нехватало времени, чтобы подумать, что чувствует ребенок, когда начинает понимать, что у родителей не хватает на него времени, а его проблемы считаются маленькими и несерьезными.

Только недавно я впервые посмотрела фильм Стивена Спилберга “Капитан Крюк”, который был снят телекомпанией TRI STAR PICTURES с участием Роберта Уильямса в роли Питера Пена и Дастина Хофмана в роли капитана Крюка. Мойра, мама детей, говорит Питеру, отцу: “Дети нуждаются в нашей заботе очень недолгое время. Потом мы сами будем изо всех сил завоевывать их внимание. Время летит очень быстро. Несколько лет – и все. Задумайся над этим, Питер, ты можешь не успеть”. Сейчас я думаю, что мои родители неосознанно стремились к тому, чтобы я выросла, и не умели наслаждаться тем, что я еще мала и нуждаюсь в них, в их советах, помощи. Очень хочется, чтобы молодые родители сегодня посмотрели фильм “Капитан Крюк”, задумались, остановили свой бешеный ритм жизни.

Как под увеличительным стеклом фильм показывает детские проблемы. За занимательным, приключенческим сюжетом про повзрослевшего Питера Пена – потребность детей в поддержке взрослых, сомнение в своей нужности, желание, чтобы родители верили в них и радовались их успехам. Иногда ведь достаточно присутствия взрослого рядом на школьном спектакле или спортивной игре.

Фильм и о том, что поддержка нужна и взрослым. Ведь многие не помнят детство, себя, свои радости и печали, свои проказы, свой детский взгляд на мир. А без этого счастья не случается. |

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

альбина локтионова
италия

В городе святого Франциска Ассизкого, в Ассизи прошла первая общеевропейская конференция по трансперсональной психологии. Это была первая попытка европейских психологов, работающих в направлении трансперсональной психологии, объединиться в рамках и по правилам Европейской Ассоциации Психотерапии.

Сенсационным известием стало сообщение об открытии в США Института интегральной психологии. Его создатель и директор, доктор философии Кен Вилбер считает, что все “уровни” существования человека, его тело, душа, дух, психика, взаимодействие с социумом связаны между собой, а, значит, необходимо целостное знание о человеке. Именно для этой цели в Институте созданы отделения интегральной политики, медицины, экологии, интегрального образования и бизнеса.

Претензия создателей института высока, но и задачи масштабны. Кен Вилбер намерен развивать интегральные практики, которые позволят, например, используя открытия в психологии, не только изменить медицинскую практику, но и по-новому ее организовать и даже изменить систему ее финансирования. Появится возможность осмыслить опыт, полученный с помощью трансперсональных практик, в психологии, изучить его в медицине, найти объяснение в разных духовных традициях, которые, в свою очередь, могут быть рассмотрены в рамках интегрированной научной мысли.

“Я думаю, что людям необходим подлинный – целостный подход к миру в психологии, в духовности, в образовании. Наша работа – лишь один из возможных вариантов интегральных исследований. Я хочу, чтобы коллеги использовали мою работу для развития своих собственных идей, взглядов и практики”, – говорит директор Института и приглашает всех к сотрудничеству. |

Более подробную информацию о первом в мире интегральном институте психологии можно найти в Интернете на трёх сайтах
www.living-gestalt.com,
www.shambhala.com,
www.kenwilber.com

ВЗРОСЛЫЕ ДОЧЕРИ КОРОЛЯ

наталья шарова
студентка мгу

НОВЫЕ “ДОЧКИ-МАТЕРИ”/*мария тендрякова* / **№2**

Мне открылся Университет. Я – студентка. С этой секунды я сама делаю свою жизнь: ставлю общепринято недостижимые цели, чтобы оправдать экстравагантные способы победы. А еще полгода назад мне было интересно играть.

Раз в неделю по субботам на химфаке собирались студенты и выпускники МГУ – члены вузовского клуба толкиенистов. Оживала наша общая мечта о туманном средневековом королевстве. Если человек нашел дом в мире книг Толкиена, почувствовал себя эльфом или гномом, вспомнил другое, волшебное, имя, ему несложно действовать в виртуальности, борясь за свет или за тьму. Привыкнув играть таким образом, можно изменить тему ролевой игры: вжиться в сказку другого писателя или придумать свою. Это мы и делали.

По субботам я чувствовала себя фрейлиной при дворе абстрактного средневекового короля. Мой отец, маршал, только что привез меня в высший свет из монастыря, где я воспитывалась, пытаясь выдать милую дочь удачно замуж. Хотя я привыкла к лицемерию в монастыре, придворная жизнь еще не давит мрачностью. Когда я придумывала этот сценарий для ролевой игры, то не могла предположить, что иллюзорный мир может подавлять. Кроме опорного сюжета, надо было придумать характер, но его было почти невозможно проявить в условиях бессмысленной придворной болтовни, танцев, турниров и шоковых ситуаций, организованных обладателями неожиданных сценариев. Придворные уставали часа через три, но придуманная сказка оставляла пространство для московской дружбы.

Субботние встречи, искусственно создавая экстремальные условия, раскрывали людей. Однажды я поняла, что многим интереснее играть злых людей. Может быть, им так проще? Но я думаю, что человек выбирает добро или зло один раз и навсегда. В игре выбор проявляется ярче.

В мире нет ничего ценнее людей, а игра отрицает и обесценивает настоящую дружбу. Однажды понимаешь: все виртуально, иллюзорно, ты утекаешь в пустоту.

...Я давно не езжу по субботам на химфак. С некоторыми друзьями по игре у меня до сих пор славные отношения, с другими я поссорилась. Обидно. Правильно. |

ПСИХОЛОГИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Ален-Ив Кермарек
Доктор медицинских наук, профессор психологии кафедры клинической психологии, руководитель клинической лаборатории, заведующий исследовательским центром, доцент медицинского факультета университета Монреаля, Канада

Едва ли не самым популярным синонимом одиночества человечество стало называть «тоску по другому человеку». Именно в этом контексте одиночество и воспринимается как «тяжелое состояние». Вот в чем эмоциональ ступень разности между и его близкими синонимами, такими как «уединение», «изоляция», «покинутость», «отсутствие», «отдых», «свободное время» и т. д.

Заключается это в том, что тем, кто, лишив, лишен(ный) чьи-нибудь чьи-то или чего-то, чьи-нибудь, чьи-то, чего-нибудь, чего-то, чьи-то, чьи-то, чего-то, чьи-то, чего-то, чьи-то, чего

ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ

юрий рост

Современные дети учат нас отсутствию страха перед жизнью. Ведь все, даже самые смелые люди моего поколения, постоянно испытывали страх.

Замечательное свойство детей – они открывают мир заново. Взрослым это уже недоступно. Я всегда любил фотографировать детей и стариков. И в тех, и в других нет фальши. Они видят и принимают мир таким, какой он есть, без поправок. Мне очень интересно с ними. Дети природным качеством – интеллигентностью, уважением к миру другого человека, к природе. Мы же постепенно вытравляем из него интеллигентность, заставляем подстраиваться под наши правила жизни.

Дети живут вне вранья, хотя они иногда обманывают и хитрят, но это совсем другое, не лицемерное вранье. Дети искренни, и редкая удача для ребенка, если он родился циником. Потому что тогда он может стать, например, президентом, крупным политиком. Ребенок рождается с природным качеством – интеллигентностью, уважением к миру другого человека, к природе. Мы же постепенно вытравляем из него интеллигентность, заставляем подстраиваться под наши правила жизни.

Любовь ребенка – камертон искренности человеческих отношений. Если вас не любят дети, то все остальные (женщины, собаки...) просто притворяются.

Я стараюсь общаться с детьми как человек, достойный их. Именно достойный, это очень точное слово, потому что нельзя общаться с детьми даже как с равными. Их достоинство выше достоинства взрослого человека.

Ребенок оценивает твои истинные качества очень точно: если ты начинаешь с ним лукавить, он обязательно это почувствует. Он способен вас понять и простить, но вряд ли полюбит человека, который был неискренен с ним. В жизни бывают ситуации, когда ребенку что-то нельзя рассказать, потому что он не способен это осознать. Но и тогда необходимо проявлять уважение к детям, доверительно говорить с ними. Если же, пытаясь что-то скрыть от ребенка, вы показали, что не доверяете ему, его самостоятельности, пренебрегаете им – он не станет любить вас. Хотя и простит.

В моей жизни не было случая, чтобы дети переворачивали мое мировоззрение, может быть, оттого, что оно до сих пор не устоялось окончательно. Но дети всегда влияли на меня. Сейчас в мастерской у меня висит новая выставка фотографий. На фронтальной стене – четыре фотографии моих любимых детей, и все девочки. Их интереснее фотографировать, они тоньше, в них больше природного. Кроме того, девочки, гораздо сильнее испытывая в течение жизни давление среды и общества, несут в себе внутреннюю целостность, защиту, в том числе и от воспитания. И все их капризы и кокетство -чистое счастье... |

Отец наблюдает, как сын, сидящий в переходном возрасте, ставит на кон свободу, ценности и достоинство. Фотографии Александра Ландыша, Дмитрия Ивановского.

Новые поколения вторгаются «что значит быть человеком?», может начинается с вопроса? Или значит не задавать вопросы?? Не всем сразу дано мыслить. Мы сидим в кафе и пьем пиво, а мимо проходят, кто в чем, кто в чем, кто в чем, кто в чем. Кто-то в одном, кто-то в другом, кто-то в третьем, кто-то в четвертом, кто-то в пятом, кто-то в шестом, кто-то в седьмом, кто-то в восьмом, кто-то в девятом, кто-то в десятом, кто-то в сотом, кто-то в тысячном, кто-то в миллионном.

*Изместной исследовательницы ранного детства Данаиды Спирт выкупили книжку, вышу которой на руки почти не выдавали посетителям. Книжка – различные фрагменты непрерывного опыта маленькой чем в том числе, слышит, чувствует, ощущает, переживает, думает, мечтает, фантазирует, воображает, сомневается, ошибается, хочет, хочет, хочет и опять хочет. Хочет рубашонки и можно печение кренделя. Как хорошо и тепло, что это – ребенок, что я – отец. Ребенок, что я – отец. Ребенок – ландыш. Но как же поначалу в книжку попадают всякие ненужные вещи и можно ненужные человеки где «фотографии опознаются, а подвиги выдаются» не может фотографировать, а подвиги не выдаются. Ну, ладно, ладно, ладно

ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ

леонид жуховицкий

У меня две дочери: старшей тридцать три года, младшей – три.

И обе меня многому научили. Первый урок, пожалуй, дала старшая дочь, когда ей было столько, сколько сегодня младшей. Она сидела на полу и играла, а я сказал: “Ну-ка, быстрее обедать”. На что она ответила: “Не могу, я занята!” Я вдруг понял, что она говорит правду: просто она живет в ином мире, где свои занятия и свои представления о важном и мелком. Я сказал: “Ладно, закончишь свои дела, а потом приходи”. Пожалуй, с этого момента я начал видеть в детях таких же людей, как и мы.

А самый существенный урок дала мне старшая дочь в двенадцать лет. Она тогда подружилась с мальчиком, который был старше ее года на два. Жена без конца говорила о том, какой этот парень уродливый. И вот как-то дочка привела его ко мне знакомиться. Процедура знакомства длилась минуты полторы, после чего мальчик отошел в сторону, а дочка спросила: “Папа, ну, как он тебе?” А я, накрученный бывшей женой, сказал: “Наверно, он хороший мальчик, только очень некрасивый”. На что дочка с вызовом ответила: “Но ведь некрасивых тоже кто-то должен любить!” Этот урок я запомнил на всю свою жизнь.

А сейчас я постигаю уроки младшей дочери. Ей, как я уже сказал, всего три года, но уже полтора года назад я понял, что растет человек со своим характером, и, может быть, уже со своей личностью. И происходит не процесс воспитания, а процесс взаимного со-воспитания. Мы постепенно приспосабливаемся друг к другу. И если иногда дочка с помощью рева или скандала отстаивает свои интересы, я воспринимаю это как должное: ведь она уже человек со своим уникальным миром. И этот мир ей приходится отстаивать у других людей, иногда даже у собственных родителей. |

ОТКРЫТЫЙ РАЗГОВОР О СВОИХ ЧУВСТВАХ

ирина бойко
Психолог Ирина Бойко работает в Московской детской психиатрической больнице и в Центре социально-психологической адаптации подростков "Генезис". Мама взрослой дочери.

Какое чувство вы испытывали бы, если бы ваш сын или дочь время от времени бросали, на недавно наклеенные обои что-нибудь из продуктов? Думаю, вы были бы возмущены. Однако большинство взрослых, испытав краткий миг недостойного с просвещенной точки зрения чувства, быстро заменяют его другим.

Мы печалимся о напрасно потраченных педагогических усилиях, чувствуем вину за то, что упустили что-то важное в воспитании и наш ребенок вырос каким-то не таким. А подросток всего лишь решает главную задачу своего возраста: он пытается эмоционально отделиться от взрослых, от родителей. И его безобразия, как ни странно, служат именно этой цели: один бросает помидоры, другой уходит из дома и ночует на подоконнике в подъезде двумя этажами выше родительской квартиры, третий заставляет родителей беспокоиться, намеренно задерживаясь и не звоня им, или использует для этого алкоголь и наркотики. Чем сильнее эмоциональная зависимость взрослого и ребенка, тем тяжелее формы "зависимого" или асоциального поведения подростков.

Говорят: "Мама в детстве недодала тепла, поэтому ребенок плохо ведет себя в подростковом возрасте". Это правильно: отделиться можно только от того, что существует; разрывая связь, нужно чувствовать, что она есть. А когда ее нет, у подростка появляется двойная задача: создать эмоционально зависимые отношения со взрослыми, а потом от них отделиться. Этим можно объяснить поведение многих подростков, регулярно создающих ситуации повышенного внимания к себе, заставляющих родителей волноваться, сходить с ума от страха за них. И все это на фоне постоянных требований независимости и самостоятельности и откровенного отвержения родителей.

Даже у самых домашних подростков считается хорошим тоном жаловаться друг другу на родителей, обвиняя их в самых нелепых вещах, зорко отслеживать мельчайшие факты того, как их "зажимает" старшее поколение. Тем родителям, которые не успели подготовиться к тому факту, что их ребенок вырос, а свое отрочество подзабыли, многое в подростковом поведении кажется нагромождением ужасов или нелепостей. Есть ли вообще во всем этом какой-либо смысл? — в отчаянии спрашивают они и нередко делают "катастрофические" прогнозы.

Подросток бессознательно организует собственное поведение таким образом, чтобы время от времени вызывать чувство гнева у взрослых. Наш гнев необходим ему как воздух для того, чтобы облегчить эмоциональный разрыв с семьей. Обычная реакция родителей на такое поведение — гнев, выраженный в форме обвинений и упреков, — подтверждает бессознательное ощущение подростка: мои родители не правы, они плохие, а потому, как правило, следующий шаг ребенка — его ответ, "месть" плохим родителям — новые поступки, которые вызывают еще больший гнев. Ни дети, ни родители не виноваты в том, что происходит, однако их жизнь превращается в ад.

Выбраться из колеи, в которую попадают многие семьи с детьми-подростками, можно, лишь начав открыто говорить о своих чувствах. Такой разговор сильно отличается от пресловутого выяснения отношений. Вот реальная ситуация: балуясь с трубками от пылесоса, подростки разбили люстру. Первую реакцию почти каждой мамы — традиционное выяснение отношений — легко можно представить. Попробуйте поступить иначе, не говорите, что ничего особенного не случилось: "Люстру разбили? Ничего страшного..." Найдите другие слова — они могут быть самыми разными, у каждого из нас — свои, но обязательно эти слова должны отражать то, что вы чувствуете в этот момент. Вместе с мамой 14-летнего подростка мы подобрали слова, которые ей показались подходящими: "Когда я увидела разбитую люстру — сказала она сыну, — я очень рассердилась. Мой гнев был так силен, что им можно было проломить стену". Позже она с удивлением рассказывала о совершенно нетипичной для сына реакции: он признал свою вину, сказал, что почувствовал облегчение и стыд. С этого времени он стал критически оценивать многие свои действия. Трудно предположить, что раньше он не понимал, что делает, что не знал, как непросто семье купить что-то новое. Но ведь не задумывался, а изменился лишь после того, как услышал, что чувствует его мама.

Почему мы так редко признаемся, что не говорим о своих чувствах? Почему так нечасто задумываемся, что значит говорить о чувствах. Почему мы боимся их?

"В одних случаях я его называю своим козликом, в других — неряхой", — рассказывает мама. Но если расшифровать, окажется, что слово "козлик" вмещает чувство нежности взрослого к ребенку, а "неряха" — выражение неудовольствия, например, по поводу разбросанных или испачканных вещей. Произнося его, мама негативно оценивает ребенка, говорит о том, что он плохой, но не передает своих чувств, своего недовольства, не показывает, что возмущена, обижена на те или иные действия подростка. Наши оценочные суждения говорят подросткам о том, что они многого не могут. Не могут, например, держать свои вещи в порядке или аккуратно есть за столом, а такие слова всегда снижают самооценку ребенка.

Мы говорим о нем, но не говорим о себе, о том, что чувствуем в этот момент. Мы не "предъявляем" себя и не присутствуем как личность. Поэтому наши вспышки гнева никогда делу не помогают. Но всегда они разрушают контакт между подростком и родителем, вызывают негативные реакции с обеих сторон. Возможно, обе стороны позже начнут испытывать чувство вины — социально "разрешенное" для переживания чувство (в отличие от гнева, который почти всегда отождествляется с поступками, совершенными под его влиянием). Но продуктивно ли чувство вины? Увы, как правило, оно сопряжено с ощущением собственной неспособности справиться с проблемами.

Чувством, которое регулирует наше поведение, психологи считают чувство стыда. Но может ли оно возникнуть у ребенка в результате родительского гнева? Увы, косвенные формы нашего гнева: обвинения и повышенный тон — вызывают у подростка не стыд, а стойкий страх наказания, который почти никогда не останавливает нежелательные поступки. Только тогда, когда взрослые напрямую говорят детям о своих чувствах (психологи называют такую форму высказывания "Я-сообщение"), когда, описав слова или действия подростка, называют свои чувства, вызванные ими, говорят о том, чего ждут от ребенка теперь, тогда в ответ может возникнуть это созидающее чувство стыда.

Нам важно научиться не бояться собственных чувств: остро переживая, суметь удержаться от поступков, о которых неприятно будет вспоминать позднее, от обвинений, которые только в косвенной форме выражают наш гнев,

а по сути позволяют "сбрасывать" его бремя, разрушая при этом контакт с детьми. (Впрочем, и подросткам неплохо бы научиться "ничего не делать" под влиянием своих чувств, решиться назвать их и освоить "Я-сообщение".) Важно, чтобы мы поверили, что помогаем подростку выполнить одну из главных жизненных задач — стать самостоятельным, с одной стороны, а с другой — снова научиться любить. Ведь только тогда, когда происходит эмоциональное отделение от взрослого, подросток вновь способен любить, когда же этого не происходит, невротическая зависимость остается и разрушает отношения в семье.

В таких семьях существует запрет на многие чувства. В число запретных может попасть не только гнев, но и нежность. Поняв эту ситуацию, родителям важно суметь организовать диалог с детьми так, чтобы "сфера" запретных чувств постепенно уменьшалась и каждый мог бы говорить о проблемах, которые волнуют его в данный момент. Умение говорить о своих чувствах особенно важно в тех случаях, когда родители не смогли дать ребенку в детстве достаточно тепла. Теперь они могут наверстать, наладив контакт с подростком. У них есть шанс прочувствовать непрожитые ими чувства. |

ПЕРВЫЙ УДАР

иосиф фурман
иосиф фурман – десятиклассник московской школы.

Он улыбается и идет к нам, а мы стоим на месте и смотрим, хотя знаем, зачем он идет. Почему мы не можем убежать? Почему мы, как щенки, стоим и смотрим на этого парня? А он улыбается... и идет к нам. Я понимаю – это неизбежно. Один из нас или все сразу должны будем обратить встречу на себя.¶ Он подошел и что-то говорит, а я смотрю на его огромную руку и отвечаю. Такую руку я видел только у моего дедушки – это природная сила, и этот парень — природа. Это его лес, его поле, и он улыбается, глядя в наши испуганные глаза.¶ Но почему именно я отвечаю ему? Ведь и Димка, и Женя выше и старше меня? Но они гости, а я – здесь уже был, и теперь я в ответе за них. Я “оратор”, и от меня зависит, будут нас бить или нет. Они молчат и ждут, как я спасу их. Я отвечаю быстро, словно ждал этого парня. Я предлагаю ему дружбу, а он улыбается и берется за резной медальон на моей шее.

Я понимаю, что близка развязка. Он взмахивает рукой, и кулак летит мне навстречу...¶ Навстречу мне летит страх. Раньше мир был маленький и добрый – озеро, дорога, улица... Теперь он большой и злой. Он широк в объеме, но мал относительно зла. Любой человек, который больше меня, опасен. Раньше мама говорила, что мы с братом стали большие и заметные, и именно сейчас я это понял. Я большой и заметный, а мир тесен.¶ Разве это первый удар в лицо?! Нет. Это первый удар ни за что. Это мир показывает мне, что я заметен, и вот надо прятаться в конуре, которая теперь вряд ли меня спасет, либо научиться принимать удары, пытаясь отбивать их. Но не все могут это. Всю жизнь жить в страхе тоже невозможно, и надо бороться, для того чтобы жить...¶ Удар оглушил, и сладковатая боль расплылась по всей голове, принося с собой чувство страха. Чувству, которое теперь долетело до меня, остается только закрепиться у меня внутри.¶

Я обиженно вскрикнул. Мне не было обидно ни за себя, ни за того парня. Просто я не ожидал, что это будет так скоро...¶ Димка бежит, и за ним бежит этот парень, который только что улыбался. Димка, наверное, тоже знает, что такое первый такой удар в лицо, раз бежит. А Женя? Женя испуганно смотрит на меня. Он не знает... И я кричу ему: бежим! – и я боюсь, что он не услышит меня. Мой голос прозвучал для меня отдаленно, чуждо, очень ответственно и решительно. Мой взгляд, сквозь черные занавески боли, уловил на дороге фигуру еще одного парня, и я побежал. Женя бежал со мной в ногу, так мне показалось. Пригнувшись и смотря мне в лицо, как бы боясь отойти от меня хоть на шаг...¶ Парень так и не догнал Димку, и мы снова идем по дороге как ни в чем не бывало и даже пытаемся продолжить разговор, внезапно прерванный. Но разговор не клеится.¶ – Ублюдки, – говорю я, и мы идем дальше.¶ Глаз у меня начинает болеть все сильнее, и я бегу в лагерь, пока не налился синяк. Впереди местные мальчишки катаются на мотоцикле. Их четверо, и они на меня смотрят. Я с замиранием сердца прохожу мимо них.¶ МИР ТЕСЕН И ОПАСЕН, А Я ЗАМЕТЕН... |

ЗНАЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕННОГО ФАКТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАН ГОГА

МЕТАМОРФОЗЫ ГЕНИЯ

Всколоченные волосы Альберта Эйнштейна... Вереницу автопортретов Ван Гога — диков безумия и гениальности... Выкалывающие на средневековья "Корабль дураков" Брانта и "Корабль дураков" Иеронима Босха... "Похвала глупости" неутомимого философа Эразма Роттердамского... "Апология сумасшедшего" Петра Якоблевича Чаадаева. Весь этот ряд великих имен в течение ред, ряд без начала и конца, свидетельствует, что ум и глупость, гениальность и помешательство шествуют рядом друг с другом через полную драм человеческую историю.

Сколько бы не было попыток понять природу родства гениальности и безумия, ответ об их поражающей воображение связи не найден ни в покидающем нас двадцатом веке, ни тем более в новорожденном двадцать первом. Мы приводим тексты биографии Винсента Ван Гога, которые появились в форме почти клинических описаний жизни этого гениального художника, для того, чтобы читатель почувствовал бесконечную относительность разделения людей на норму и патологию, умных и глупых. Когда мы хотим перешагнуть безумие или гениальность заклеймить какого-либо человека, каждый раз следует задаться вопросом: "А судьа кто?".

Не будем и мы спешить с ответом на вопрос о вооднаразде между гениальностью и

безумием, норма личности куда сложнее и богаче любой патологии. Ибо сам этот вопрос доказывает, что палате мер и весов, где царит рациональность, нет критериев разделения этих сложнейших феноменов. Наше скованное рациональностью мышление пасует перед такими противоречивыми явлениями психики человека. Но не смотря ни на что, оно не пересстает биться и над такой оразящей задачей, как разгадка тайны личности, столь же упорно, сколь оно пытается разрешить математическую задачу Фермо. Поэтому мы приглашаем читателей заглянуть на страницы журнала "Клинический архив ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ" и сравнить решение задачи – тайна гениальности– различными исследователями.

Те, кто уловстуется вечной проблемой связи безумия и гениальности, не без пользы для себя смогут прочесть книги блистательного философа Мишеля Фуко "История безумия в классическую эпоху" (1997), Карла Ясперса "Стриндберг и Ван Гог" (1999), Владимира Эфроимсона "Гениальность и генетика" (1998). Интересные приключения ждут и тех читателей, которые отворят популярные шедевры Д.Даннфрея "Гении, которые ломали правила" (1997) и Вес Нискера "Безумная мудрость" (2000), Чезаре Ломброзо "Гениальность и помешательство" (1997) и, конечно, "Письма Винсента Ван Гога" (2000).

АВТОПОРТРЕТЫ ВАН ГОГА /
www.oir.ucf.edu/vm/paint/auth/gogh/self/
www.paju.com/ssgallery/gogh
www.vincent.nl/images/ptg/vincent/
www.values.ch/

ЗНАЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕННОГО ФАКТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАН ГОГА /

вальтер райс

Время, в которое человек достигает своей зрелости и старится, а также темп, которым совершается процесс созревания или старческой инволюции, различны. Есть люди, которые идут с поражающей быстротой навстречу раннему своему развитию, и в двадцать лет они уже "готовы": истрия культурного развития всех народов знает таких вундеркиндов. Они в большинстве случаев скоро иссякают.

Другие, наоборот, осознают и находят себя на сорок пятом году жизни — поздний гений, — и в несколько лет они дают миру то, чему при развитии не дают и в десятки лет. Можно стараться "с сегодня на завтра", а можно так незаметно, медленно и со всех возрастающим постоянством стараться, что только смерть даст окружающим время почувствовать давно совершившийся процесс распада умершего.

Тот, кто быстро сам себя находит, развивает образ мышления и действий, тот, несмотря на калейдоскопически быструю смену явлений, будет всегда оставаться таким, каким мы его в первый раз встретили. Другое дело, если борющийся гений должен пробиться через несколько "оболочек"... Бетховен в первой симфонии представляется подающим большие надежды. В третьей, Eroica, он выступает во всех отношениях совершенно мастером: между обеими лежит промежуток времени не больше чем в пять лет. Мы чувствуем различие стиля и между его последней симфонией и девятой, между которыми двадцать лет, и все же оно незначительно по сравнению с различием между первой симфонией и Eroica.

Далеко не редкий случай, когда гений претерпевает несколько существенных метаморфоз. Они кажутся как бы не имеющими друг к другу отношения. Так, говорит, например, о Гете как об авторе "Вертера" и о "Фаусте I Гете" — автоpе "Прометея", о Гете — автоpе "Wilhelm Meister'a"... Такого рода метаморфозы — преобразования личности, в которых принимают участие не только определенные предпосылки, покоящиеся в природе самой личности, но и обстоятельства времени и пространства. Значение первых обычно сильно преувеличивают; какое решающее влияние оказывают последние, можно судить по тому, насколько пребывание Гёте в Италии имело для поэта определяющее значение. Да, есть такие прозорливые представители искусства, которые вполне определенно говорили о том, насколько внешние условия времени и пространства гибельно отзывались на их творчестве. Великий гений, вероятно, не гибнет и в таких случаях, но нелепое и холодное слово о гении, "который все побеждает", могло быть произнесено лишь теми, кому условия жизни и тяжелые условия борьбы гения вечно остаются чуждыми.

Такого рода метаморфозам был подвергнут и Ван Гог. В противоположность мнению, что гениальная болезнь вырвалась, как чудное событие, с его жизни, нарушая ход развитиия его личности и образуя поворот в "непонятное", открыла дорогу новому направлению стиля, я пытаюсь указать на признаки постоянного, прямолинейного развития человека и художника Ван Гога. Присмотритеся точке к метаморфозам этого гения.

Кто имел случай быть летом 1927 года на выставке коллекции Креллер в Базеле, тот легко мог отметить следующее. Краски отступают в первый индерландский период творчества Ван Гога на задний план не только в рисунках, но и в картинах, каменистых массив. Если же краски применяются, то только мрачные. Над всеми картинами господствуют тяжелые сумерки, которые стоят в печальной гармонии с сюжетами: бедные люди, крестьяне за работой, пролетарские женщины за шитьем или кормлением грудных. В эти годы мы читаем в письмах художника из Гааги: "...Я говорил себе всегда при работе: "не бросай работы, пока у тебя есть мужество и хотя на настроений осеннего вечера, нечто из мистерии, нечто глубоко серьезное..."

В Париже сумерки проясняются, и быстро тушат вместо красок на кисти. Уже дясь, в Париже, выходит из-под кисти художника картины, свидетельствующие о достигнутой им зрелости. В Париже совершился решающий шаг, и совершился он весьма быстро. Приблизительно в это время, должно быть, Ван Гог писал: "Краска сама по себе говорит нечто, это нужно усмотреть и использовать..." И вот в Арли уже все свершилось: художник буквально утопает в красках, ему недостаточно наносить их кистью, он заполняет ими большие поверхности, он "колорирует"; он выдавливает на полотно всю тубу. Да и вообще здесь переживаем им все творчество. Здесь — импрессионист Ван Гог.

Он на этом не остановился. Палитра делается беднее: две, три краски составляют цветок. В остальном определяют теперь картину контуры, движение, ритм. Мотив является лишь поводом. В Сент-Реми Ван Гог завершается. "Равин" утопает весь в голубом; "Закат солнца" — весь желтый, но линия господствует теперь в картине. "Тональное" отступает на второе место. Ван Гог опережает в Сент-Реми свой век на целых сорок лет. Куда еще дальше мог бы он пойти?

Из последнего его периода из Овера нам мало остается. На потрете доктора Гаше он все тот же великий, зрелый. Имеются, однако, оверовские картины, в которых беспокойно пылает огонь, в которых снова появляются краска и тон, но, очевидно, из пейзажа, а не из внутреннего закона художника, отчего они неубедительно действуют.

Мы ничуть не склонны простить той эпохе и тому обществу, которое несет ответственность за равнию гибель одного из лучших сынов человечества. Мы мало знаем о том, что Ван Гог еще творил бы, если бы мить его жизни не были так рано оборваны. Все же впечатление законченного по совершенству пути весьма сильно: он освободился от традиции великих образцов, он прорвал мрак и сумерки голландских своих учителей, чтобы найти путь к свету и краскам. Путь был найден. Но это чувственно-веселое, красочное не было его последним словом; оно уступило месту "неучтенному", общему...

Допустим, что момент, когда Ван Гог взял в руки кисть, был первой метаморфозой его личности. Допустим, что быстро совершившийся в Париже разрыв с "первоначальными сумерками" и прорыв краски был второй метаморфозой, тогда третья — период, начавшийся в Арли и закончившийся в Сент-Реми, — привела к достижению абсолютного стиля. Может быть, Ван Гог "застрял" на четвертой метаморфозе, о которой мы ничего сказать не можем. Все это совершается в два, самое большее в три года, при самых крайних лишениях, резких колебаниях климатических и географических условий жизни и при дурных потрясениях обманутой дружбы — все обстоятельства жизни, которые должны гибельно действовать на самый крепкий организм. И вот говорят: горькая нужда, крайняя нищета и одиночество должны считаться последними и глубокими причинами его болезни.

Но должен ли был Ван Гог вообще заболеть? Ведь так мало нужно было для того, чтобы вырвать его, голодавшего по целым дням и работавшего при этом долгие часы, подвержнного палящим лучам провансского солнца, из когтей тяжелейшей нужды. И нужно было всего одного только человека, верующего в силу гения Ван Гога, который сумел бы вышуить ему, Ван Гогу, веру в самого себя, веру, необходимую каждому творящему человеку, особенно художнику!

ОН заболел в решающую эпоху своей жизни. Если смотреть на заболевание как на чуждую личности силу, обрушивающуюся на людей искусства, то она так же слаба или не способна преобразовывать. Если же смотреть на болезнь как на явление, вырастающее из самой личности и приходящее от "развитию", — а такого взгляда мы и придерживаемся, — то нельзя произвольно выделить болезнь из целостности человека и приписать ей какую-то особенную роль в конечном формировании личности и ее стиля. С таким же правом можно утверждать, что, например, великое творчество Ван Гога немыслимо без его предков-священников, которые предшествовали земному его существованию.

Конечный результат немыслим без всех слагаемых, вместе взятых. Какое мы, однако, имеем право думать, что те проявления жизни, которые мы регистрируем как "болезнь", играют доминирующую роль в необходимом множестве условий, от которых зависит человек и его творчество? Ван Гог никогда не переживал и не рассматривал ее как таковую, и мы можем доверяться его глубокой проницательности. Как творящий художник, он знал себя: ученик великих нидерландцев, позже импрессионистов, Гогена: дитя того века, который, казалось, был признан признести переоценку всех ценностей в искусстве; ученик и последователь всех "великих" — видел ли он их в Рембрандте, Шекспире или Рихарде Вагнере. Это были великаны, по отношению к которым он считал себя дождиком. И Ван Гог, писма которого не менее правдивы, чем его произведения, Ван Гог, который сумел подслушать у своей болезни каждое ее движение и направление, Ван Гог не промолчал бы ни себе, ни миру, если бы он был обязан своей болезни в чем-нибудь решающем.

Но если даже случилось, что благодаря необычному переживанию, шоку или даже болезни произошло преобразование личности; если даже, благодаря этим моментам, произошла перегруппировка определяющих душевных сил, если даже изменился стиль и процессы творчества пошли успешнее, благодаря этим самым моментам, — мы должны сказать, что Ван Гог был уже до начала болезни в достаточной, созревшей борьбе как человек и художник так близок конечному своему развитию, что вряд ли мы могли бы осмелиться сказать больше, чем следующее: этот человек был великий художник — он был также болен.

Мы смотрим на болезнь не как на неизбежную судьбу и печальную необходимость, которая не могла бы быть обойденной при более благоприятных условиях жизни. Мы рассматриваем ее разразившуюся уже болезнь, а почему, на которой она развивается, предрасположения, лежащие в ее основе, — мы рассматриваем эти силы как составные части тех движений, которые определяют личность и ее развитие. То, что сделало Ван Гога великим художником, могло быть и причиной его болезни.

Как только человек пробуждается после безличного, бессознательного существования к существованию человека сознательного, способного давать себе отчет о самом себе, он научается рассматривать себя как существо, которое находится в зависимости от самых разных закономерностей. Из этой дискармонии от ищет выход к растворению в сверхличном бытии. Либо он пытается сделать закономерности внешнего мира своими или же стремится навязать миру свои внутренние закономерности. В обоих случаях возникает произвольное изменение порядка, переворот, будь то внутреннего своего или сверхличного мира. Цель этой переоценки в обоих случаях — слияние личного и сверхличного мира. Сила, которую человек при этом должен употребить, зависит от степени напряжения между закономерностями, которые его определяют, и закономерностями, которые определяют внешний мир.

Ван Гог, с одной стороны, находился во власти наследственности, побуждающей его строить мир по основаниям находящихся в нем самом принципов. Когда он для этой цели воспользовался художественными средствами, он пошел по трудному пути. Впрочем, он никогда не считал себя особенно одаренным. Но как раз он нуждался в огромном нраслоедовании сил, чтобы достигнуть цели: овладеть и преобразовать объекты по своему собственному образцу. Ибо "от чего, с которыми его определяют", меры художественные, его меры значительно расходились с темой его времени. Это время не желало иметь при жизни художника ни одного из его произведений.

Если человек вынужден преобразовать и привести в движение людей и предметы, среди которых просит его судьба для того, чтобы преодолеть напряжение между собой и внешним миром, то во всех проявлениях его жизни можно найти выражение этого принуждения. Особенно в том случае, если приведение переживается как действие фатальной силы, или чтобы говорить языком Ван Гога, "как будто бы дьявол стоит над тобою". В жизнь привычках жизни, во всевозможных порядках и педантичностях, в выборе супругу, другей, профессии, в проявлении болезни отдаваемые произвольному все новые и новые попытки своеобразного и своезаконного покорения себе мира.

Для понимания больного Ван Гога мы не нуждаемся ни в каких других силах, кроме тех, которые взращивали его жизнь и творчество и сломили их. Человек, призванный неумолимо навязывать миру силу внутренней своей закономерности. Обстоятельства жизни, ставшие преграды этому насилию. Подвиг, но необычайно быстрое "созревание". Богатая нуждой и лишениями жизнь. Резкие климатические и географические колебания. Обманутая дружба... Если наше понимание Ван Гога верно, то проявления жизни больного Ван Гога должны нести те же признаки, что и жизнь художника Ван Гога.

И действительно, мы знаем, что Ван Гог осознавал свое состояние, говорил, что при новых приступах у него одна только перспектива — быть прирятаньем в тюрьме, где имеется изолятор для буйных душевнобольных. Мы знаем, что Ван Гог в приступе болезни производил насилие над предметами, над людьми, над самим собой. Трагическая логика вещей привела Ван Гога к покою и гармонии, к которым он по другому пути, по пути художественного покорения себе жизни и людей своего времени, так пройти и не мог.]

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ГЕНЕТИКА

владимир эфроимсон

Через три четверти века трудно установить истинную сущность болезни Ван Гога. Известно, что поссорившись с обожаемым им Гогеном, он набросился на него с бритвой, а затем отрезал себе бритвой одно ухо. Известно, что продолжительность отдельных приступов необычайного возбуждения колебалась у него между недельными сроками и несколькими часами. Известно, что при этом Ван Гог сохранял в полной мере критическое отношение к окружающему. Главный врач больницы в Арли удостоверяет, что "Винсент Ван Гог, 35 лет, болел уже на протяжении полугода острой манией с общим делирием. В это время он себе отрезал ухо", "Винсент Ван Гог, 36 лет, уроженец Голландии, поступивший 8 мая 1889 года, страдавший острой манией со зрительными и слуховыми галлюцинациями, испытал существенное улучшение своего состояния..."

Ван Гог с огромной интенсивностью, напряженностью, фантастически обостренным восприятием красок работал над своими картинами. Продуктивность его была фантастической. "В интервалах между приступами больной совершенно спокоен и страстно предается живописи..."

16 мая 1890 года Ван Гог покончил с собой. Непризнание, пренебрежение, непонимание трагичны для гения. Самоубийство (Ван Гог выстрелил себе в живот) — почти нормальная реакция в этих условиях для островосприимчивого человека. Тем более, что Ван Гога, человека предельно совестливого, остро удручало то, что он разорил своего брата. Но едва ли можно болезнь Ван Гога диагностировать иначе, чем маниакально-депрессивный психоз.

"Припадки у него носили циклический характер, повторялись каждые три месяца. В гипоманиакальных фазах Ван Гог снова начинал работать от восхода до заката, писал упоённо и вдохновенно, по две-три картины в день". Характерен яростный, раскаленный колорит его живописи. "Маки в Арли" действительно ярко пылают. Очевидно, что была нужна возбудимость и возбужденность Ван Гога, чтобы их такими увидеть. Но нужно было еще и его гипоманиакально-напряженное творчество, чтобы их такими увидели другие. Нужно научить видеть. Андрей Болотов вспоминает о том, как чтение Карамзина научило его наслаждаться и умиляться природой. Его записки об этом трогательны и наивны, но ясно, что он постоянно проходил мимо ярчайших событий и явлений, слыша, но не слушая, видя, но не замечая.

Ван Гог сумел в своих произведениях передать и даже навязать свое видение мира в мощнейших потенциях всей живой и мертвой природы. При жизни его никто не понимал, но затем многие научились видеть мир именно таким, каким его видел Ван Гог. |

НА АУКЦИОНЕ "КРИСТИС" АВТОПОРТРЕТ ГЕНИАЛЬНОГО ХУДОЖНИКА ВИНСЕНТА ВАН ГОГА БЫЛ ПРОДАН БОЛЕЕ ЧЕМ ЗА 71 МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ / www.cherkassy.net/CITY/Misc/98/1198/23.htm

Нью-Йорк, 20 ноября 1998. /Корр. ИТАР-ТАСС/. За астрономическую сумму – более чем 71 млн долларов – был продан на состоявшемся здесь в четверг аукционе "Кристис" "Портрет художника без бороды" кисти Винсента Ван Гога .

Автопортрет художника, датируемый 1889 годом, считается последней завершенной работой Ван Гога. Предложенная за нее на аукционе сумма является второй по величине, которая была уплачена когда-либо за произведения мастера.Дороже оказался лишь "Портрет доктора Гаше" кисти этого художника, который был продан в 1990 году. "Портрет художника без бороды" занял также третье место в списке самых дорогих художественных произведений, когда-либо предлагавшихся на знаменитом аукционе "Кристис".

Автопортрет был написан Ван Гогом в психиатрической лечебнице в трагический момент его жизни и был подарен им матери в честь ее дня рождения. "Это потрясающая работа, – отметила Андре Коррун, представительница "Кристис", – Ван Гог был очень расстроен, что не сможет приехать на семидесятилетие матери. Поэтому он написал свой портрет, чтобы показать ей, что он здоров, хотя это было далеко не так. Чтобы выглядеть моложе, он сбрил бороду".

Начальное предложение за "Портрет художника без бороды" составило 14 миллионов долларов. Борьба за картину была отчаянной, и на отметке 39,5 млн долларов на нее все еще претендовали три покупателя. Последняя цена была предложена анонимным покупателем по телефону. |

ГЕНИЙ, СЛАВА И БЕЗУМИЕ

михаил кутянин
полный текст статьи профессора м.кутянина опубликован в первом выпуске журнала "клинический врач ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ" в 1929 году.

На родство гениальности и помешательства было обращено внимание еще философами древности — Демокритом, Платоном, Аристотелем. Особенно настойчиво хотел сблизить эти понятия Демоброз, за что мы должны быть ему благодарны. Нельзя, однако, не указать, что Демоброз уклекся, как и в других областях, интересующих его живой ум, и утверждал, например, будто бы все гениальные душевнобольны. Крайние и, безусловно, ошибочные утверждения создали естественную реакцию, и ученые Демоброз подверглось резкой критике, давая повод последующим ученым утверждать обратное. Нужно было время и новое осеещение проблемы, чтобы близко подойти к истине. Особого внимания заслуживает новая книга У. Ланге "Гений, безумие, слава" (W.Lange — Genie, Irrsinn und Ruhm. Munchen, 1928) — наиболее полное сегодня исследование разбираемой проблемы, на которой мы и хотим остановиться, дав краткий обзор ее содержания.

Эта книга — взгляд на старую проблему "гениальность и помешательство" совершенно новыми глазами. Казалось бы просто: взять гениальных людей, проверить, были ли они здоровы, больны или безумны, — и весь загадочный узел распутывается сразу. Но мы должны ведь еще выяснить, что такое гений, существует ли он как некоторый биологический факт? Вместо ответа мы видим, как понятия перемешиваются, гений называется святым или даже богом, понятие пронизывается оценками и вопросс запутывается еще больше.

Попробуйте определить понятия "сон" или "болезнь", и вы убедитесь, как это не удовлетворяет вас и как это не просто. Так и понятие "гений". Представление о нем возникло из мифологических и религиозных переживаний старого времени. Возможно, слово "гений" происходит от "гний", что значит тушан, оболочка или, в переносном смысле, затоменение, удрученость и далее тень, демон или, наконец, дух. Гений — это и божественное существо со способностью к мужскому оплодотворению. Под именем гения понимали и сверхъестественное существо, находящееся между богами и человеком. В античности у греков гений символизировал всю внутреннюю бессознательную жизнь... Корни современного понятия "гений" мы можем найти и в "Учении о вдохновенном" у Платона, и в теориях Лонгина "О возвышенном", в римской литературе и других источниках.

В годы начальной христианской эпохи и в средние века все полно промежуточными существами: демоны, духи, ангелы, святые, ведьмы — все они наследие античных гениев. В период Ренессанса под этим именем стали фигурировать духовные и эстетические ценности и силы. И это, собственно, ближайший и более определенный корень близкого нам понимания "гений". Позднее под именем гениальности персонифицируется духовная, творческая деятельность человека. Но и в период Возрождения гений все еще не теряет своего божественного и религиозного привкуса. Только около 1659 года постепенно выкристаллизовывается понятие "гений" как человек необычной, мистической и непонятной творческой силы.

В начале XVIII века выдвигается теория, имевшая длительное влияние на понимание гениальности: гений — это тайна, проявление метафизического, божественного. Это течение находит поддержку и принимает характер культа героев и гениальных выдающихся личностей. Своё заключительный аккорд оно находит у Ницше, в его сверхчеловеке.

Рядом развивается другое движение, связанное с развитием социологии, естествознания и медицины, — движение, которое можно назвать атеизмом в смысле толкования гениальности. Это движение стремилось, снив покров таинственности с гения, понять его. В этом направлении высказывалась французская школа материалистов: "гений — это прилежание" или "долгое терпение", позднее утверждали, что гения можно даже создать.

Переживание гения в сущности и теперь осталось таким же, как и в античное время. Поклонение и почитание гения и теперь пронизывалось религиозными моментами. Гений — полубог, и, подходя к нему, мы должны быть исполнены благоговения.

Понятно, как недуждеолько встречается мысль о том, что гений и безумие могут быть тесно между собой связаны. У многих философов и писателей появляются интересные замечания о разбираемых здесь взаимоотношениях.

Так, Демокрит говорил, что гений через болезнь становится продуктивнее или даже: "без безумия не может быть великого поэта". Аристотель подмечал, что в приступе помешательства некоторые пишут стихи, которые они не способны сочинить в здоровом состоянии. Сенека: "Напрасно благоразумный ступает в двери поэзии, только тронутый ум, дух, который вне себя, может создать что-нибудь необыкновенное".

В новое время Шопенгауэр утверждал, что гениальные личности обнаруживают недостатки, аффекты и страсти, сближающие их с безумными. Гениальность и помешательство имеют одну общую плоскость, где они взаимно соприкасаются и даже переходят друг в друга.

Исследования Моро, проведенные в 1859 году, можно считать основой современных взглядов на этот вопрос. Гений, считает он, — это невроз, полуболеденное состояние души. Повышенная раздражность нервной системы — общий источник выдающейся психической энергии и душевного заболевания. Вполне правомоное состояние организма никогда не комбинируется с высокой одаренностью. Все значительные люди обнаруживают приуроченную нервозность. Благодаря нервному предрасположению гений может скорее заболеть психическим.

Со свойственной ему горячностью итальянский психиатр Ломброзо утверждал, что гениальное творчество — продукт психоза, а вдохновение — психический эквивалент эпилепсии. Наряду с этими крайними и неверными утверждениями Ломброзо дал богатейший материал — он описал выдающихся личностей, указал особенности психики гениальных людей: повышенная чуткость, раздражительность, доходящая до болезни, много страшенной во время творчества, внутреннее беспокойство, противоречия, болезненное самолюбие, оригинальность. В одном из последних произведений — "Sull origine e natura del genio", которое Ланге считает особенно ценным, Ломброзо указывает, что гениальность не объясняет гениальности, а особенно большое значение для выявления гения имеет среда. Он высоко оценивает такие политическую свободу, половую любовь, сильные впечатления в период созревания, благоприятные обстоятельства и случайности, сновидения, бессознательное. Гениальными становятся главным образом люди с определенным типом психики, у которых появляются сверхценные идеи и навязчивое вдохновение, которое содействует творчеству.

В результате споров и обмена мнениями было установлено, что между психопатологическим и гениальным есть какая-то связь.

...Выдвигается несколько основных вопросов. Можно ли считать гения некоторой особой разновидностью человеческого рода, биоэкологически обособленной? Есть ли что-нибудь психологически общее у выдающихся людей, что делает их гениальными? Действительно ли эти герои человечества, эти святые или гениальные в большей части порождены, болезненны или даже душевно больны? Наконец, последнее: существует ли гений как что-то объективное, абсолютное? Не является ли он продуктом социальных оценок, известных установок данного народа в данный момент? Но тогда какое отношение к этому понятию будет иметь болезнь, в частности психическое расстройство?

Если что и было на пути к решению проблемы гения, — говорит Ланге, — то это учение об абсолютных ценностях. Гений в какой такой абсолютной ценностью, а это ошибочно, ибо все ценности относительны.

Ценности меняются, меняются и оценки. Гений, как историческая личность, вовсе не должен быть чем-то высшим, непорочным, он может быть и больным. Гений может включать в себя и негативные, и позитивные качества. Гений — это переживание ценностей, а потому нечто относительное. Потребляющие эту ценность делают вывод, когда они прославляют кого-либо и желают его почитать. Не гений создает свое произведение, а потребители — гения. Другими словами: произведение создает гения, а не наоборот.

То же произведение сегодня не будет иметь ничего гениального, а завтра община сделает его творца гением. Бывают случаи, когда гений умирает неоцененным и приобретает славу только через апостолов, обратившимся в последствии учения. Мы не должны также смешивать создание произведения с его возникновением. Открытие Америки никогда не было создано Колумбом как произведение, своим осуществлением оно обязано тысяче факторов. Наивный человек, радуясь открытию, забывает эти тысячи слагаемых, объединяет их в одно и персонифицирует все в одной личности. Носитель открытия становится почитаемой идеальной личностью, какой он, как исторический человек, вовсе и не был. Если та или иная группа подымает своего героя на щит, как святого или гения, то это не значит, что его качества, одаренность должны быть персонифицированы как что-то священное и незыблемое. Гений — это проследственный носитель ценностей и больше ничего. Об этом обычно забывали, обязательно наделяя гениев особой творческой силой.

Человек никогда не рождается гениальным, каким бы талантом и одаренностью он ни был наделен. Гением постепенно становятся через признание и прославление общиной. Нельзя рассматривать гения как некоторую биологическую данность, надо рассматривать его становление.

Произведение делает его творца гением. Мы можем спросить себя: какое произведение имеет наибольшие шансы на признание гениальности? Произведение должно служить осуществлению важных практических целей: оно должно содействовать завоеванию природы, техническим совершенствованиям, открытиям, или это поле битвы и победа на нем, важные политические реформы, религиозные течения, общества искусства или научных исследований. Реже всего творчество считается гениальным в плоскости оценочной деятельности или архитектуры.

От произведения его потребители требуют эмоционального воздействия. Чем аффективнее общаться, тем скорее произведение может встать в ряд гениальных. Государственный деятель скорее может стать гениальным, чем полководец, так как последний скорее является посредником, кем-то гениальным; философ скорее будет гением, чем ученый. Видное место занимает искусство в предоставлении гениального имени. Реже до него занимала религия.

В приобретении имени гения играет большую роль и случайность. Примером может служить Колумб, который во всяком случае не был идейным виновником открытия Америки. Эта честь скорее принадлежит Тосканелли и обусловлена довольно сложной констелляцией...

В психической деятельности человека как бы постоянно бороться между собой архаическое и рациональное. Архаическое как стихийное даёт глубокие импульсы к вдохновению. Среди гениальных мы чаще встречаем тех, которые творят бессознательно, хотя бессознательное не является специфичным для гения. Не раз указывали, что сон, тесейшие формы связанные с бессознательным, имеет близкое отношение к творчеству. Можно сказать, что тот, кто умеет видеть особенно красивые сны и кто располагает наиболее изящными комбинациями символов, тот скорее другого будет гением. Он найдет признание особенно в той общине, которая жаждет таких сновидений. В действительности среди одаренных мы часто встречаем людей с богатой жизнью сновидений или с переживаниями, близкими сну.

Высокую одаренность называют талантом. Талант имеет тенденцию переходить по наследству. Ланге считает целесообразным выделить понятие высокой одаренности или большого таланта. Под этим именем он понимает людей с особенно высокой дифференцированностью и выдающимся интеллектом (Вольтер, Гёте, Ницше) или с разнообразной комплексной одаренностью (Моцарт, Дюрер, Рафаэль, Тициан, Рубенс). Разводя понятия "высокого таланта" от "гениальности" автор полагает устранить целый ряд затруднений. Давно было замечено, что гениальность не наследуется, тогда как высокий талант своей одаренностью обычно связан со сходными качествами родителей и потомства. Высокая одаренность семейного характера известна в родословной Баха, Гольбейна, Моцарта, Тициана... Гений прежде всего носитель ценностей, он — ценность как идеал личности. Гений — это специфическое воздействие ценности на общину.

Ланге сращивает: что такое свет? По определению физиков — колебания, электрические волны. Однако такое определение абстрактно. Для человека свет — это яркость, что-то светящееся. Но яркость мы не знаем без аппарата, ее воспринимающего, без человеческого глаза. Яркость — это влияние чего-то на что-то. Так и гений, говорит Ланге. Его пытались представить как что-то объективное, как физическую волну. Пытались изучить эти волны, но безуспешно. Гений — это яркость, и необходим глаз человечества (общины), который мог бы его увидеть.

Яркость света равносильна факту, что мы ее ощущаем. Так и слава для гения — необходимое условие того, что кто-то является гением. Только большой общине, большое число людей награжают кого-то этим титулом. Если кто-нибудь называет своего друга или себя гением, то над этим только смеются. Неизвестных гениев не бывает. Наполеон или Гете до их славы не были гениями. И не всегда славу дает общее в человеке, бывает и наоборот: можно быть известным на весь мир преступником.

Первым условием славы является сильное аффективное воздействие на многих окружающих. Влияние должно быть продолжительным, иначе, чтобы сильное впечатление живо достаточно долго в памяти людей. Слава позабытого не живет более. Слава — это живое знание многих о чем-то, оказавшем сильное впечатление, это след чего-то глубоко запечатлевшегося в памяти человечества.

Слава образуется только тогда, когда личность способна производить впечатление. Судьба славы может быть весьма различной, она может расти, может обрываться и претерпевать различные колебания. Непрерывный гений — это, в сущности, логический абсурд. Талант, и даже большой, может найти признание, для гения признание — необходимая предпосылка.

Для потенциальной ценности гения первичен исторический человек, реальная личность, вторична — целая сумма факторов: знание его произведений, слава, оценки его судьбы... Реальная личность может быть совершенно иной, преобразованной, идеализированной, из нее может быть создан миф. Нечто так же интересает и не исследует исторического облика личности, как почитание. Каждая исторически верная биография гения — это изменение идеально построенной картины его почитателей. Она всегда будет умалением идеальных черт героя.

Но слишком часто гении были ненормальными или не вполне нормальными людьми.

Нормально то, что наиболее часто. Однако это не совсем точно. Зал, наполненный только пьяными студентами, еще не норма. Некоторые полагают, что норма — это известного рода идеальное построение желаемого человека. Быть может, это и остроумно, но также едва ли правильно. Очень трудно из понятия нормы и анормального устранить и фактор оценки.

Ланге указывает, что понятие душевной болезни сравнительно недавнего происхождения, а у диких народов с этим понятием связаны не столько отрицательные, сколько положительные оценки. Примитивные народы однакоово преклонялись перед одержимостью, экстазом, эпилепсией и психозом, они объединяли их в понятие священного.

Среди психопатических личностей очень часто встречаются высокодаренные. Это, конечно, еще не значит, что больные — непременно одаренные, но фактом остается частая связь выдающегося таланта с той или иной степенью патологического. Душевная болезнь может развивать и дифференцировать имеющийся у человека талант, образовывать особенно благоприятную почву для всего творческого в искусстве. Можно сказать, что, как правило, здоровый не в силах конкурировать с одаренным психопатом. Психическое расстройство переживается людьми скорее как что-то священное и мистическое, и потому психоз скорее создает особые ценности или сам становится таковым. Такие люди имеют более тонкий аппарат восприятия, они скорее улавливают дух времени и деликатные колебания в жизни масс. Они более чутки, впечатлительны, внушаемы, воспринимчивы в отношении внешних влияний. Они лучше друзих умеют петь песни своего времени и потому скорее находят оценку и одобрение от окружающих. А гений — это всегда отношение одного к остальным.

Я НЕ ЛУЧШЕ, НЕ ХУЖЕ РЕБЕНКА. ДРУГОЙ

владимир петрушов
– отец четырнадцатилетней дочери, художник и просто друг нашего журнала

Многое не получается. То есть, получается, скажем прямо, плохо. По-настоящему, без кокетства — плохо. Это я про отношения с ребенком.

А какие они, эти “отношения с ребенком” бывают вообще? Отношения ребенка со взрослыми, с родителями, с отцом? Какие? Как у Сигала в “Истории любви”, или как у Харпер Ли в “Убить пересмешника”? Как у Бел Кауфман в “Вверх по лестнице, ведущей вниз”? Драматично, но мило? Не получается этого американского гуманизма. Не получается. Оттого, что я с севера, что ли...

Хочется наорать и выдрать. Любыми средствами не допустить распространения хамства, лени, лжи, зависти. Любыми средствами... А какими? Знал бы — применил. И кто мы друг для друга? Могут ли родители быть учителями своего ребенка? Существует ли преемственность, или каждое новое поколение создает новую цивилизацию, используя предыдущую только как удобрение? Какими мы хотим их видеть: Счастливыми? Честными? Или добрыми? Или, может быть, богатыми?

Вопросов много, ответов нет и быть не может. Всё равно, делаешь всё, что можешь, потеешь, упираешься ...

– Я пойду гулять с Галей!

– Ты пожалеешь, если не разрешишь!

– Я не стану ничего обещать!

Так всякий раз кажется, что всё начинается с нуля. Каждый раз делается только один шаг. Разрешается только один конфликт. Завтра будут новые неожиданности, там, где, кажется, всё решено или само собой разумеется.

Когда дочери было семь лет, первый раз привел её в спортзал на акробатику. Боялся, что простудится. Думал: “Пусть отзанимается один урок. Только один”. На следующий раз думал то же самое: “Отпрыгай свои два часа, дальше видно будет”. Так и ходил мой ребенок в красных лосинах и махровых носках на акробатику. Потом была художественная гимнастика и бассейн, даже спортивный рок-н-ролл и, извините, теннис. Всякий раз делался один шаг. Потом ещё. Один. Никогда не получалось налаженного воспитательного, образовательного (и какого там ещё?) процесса. Только отдельные, разовые дела. Срок годности которых истекает уже на следующий день. Если завтра не сделать ещё один шаг, начнется сползание вниз. И нет технологии, нет конвейера, всякий раз тяжело, страшно, не хватает сил, ума, времени, денег. Нет БИБЛИОТЕК, ТЕАТРОВ, КИНО. Одна хорошая книга. Один спектакль. Один фильм.

Тащишь ребенка в сторону знаний и добра, и, вдруг, ловишь на себе её взгляд. Умный взгляд человека, с тщательно приглушенной жалостью к забавному придурковатому папе. Так смотрел на индейцев Колумб, так собачник снисходительно наблюдает за шалостями любимого пса.

Совсем другая биохимия. Состав крови другой, другой возраст, другое существо. Бабочка и гусеница. Я не лучше и не хуже ребенка. Другой. Как бы тесно мы ни общались, мы не встретимся никогда, мы разминулись во времени.

Но я просто обязан оставлять своему ребенку мои ценности, как охотник оставляет соль, крупу, тушенку и спички, тому, кто придет после него. Лет через двадцать этот археолог докопается до моего слоя.

Если повезет. А сейчас только передаю карты и ориентиры.
Шлиманы,
гомеры,
гунны,
гунны,
гунны... |

яркая индивидуальность с угрюмой внешностью

Ты *обладаешь чрезвычайно полезными особенностями характера, ценными в условиях непредсказуемо меняющейся жизни. Твои сильные стороны – это способность принимать нестандартные, необычные, неожиданные решения; способность рационально и логично мыслить, не поддаваясь эмоциям; это и твое умение досконально собирать и анализировать точную информацию (ты не терпишь приблизительных знаний), и, наконец, умение отдаваться интересующему тебя делу, независимость от мнения окружающих. Эти качества имеют высокую значимость в глазах и твоих ровесников, и взрослых.*

Ты – человек с принципами, что в наше время встречается не часто. Большинство людей предпочитают убивать время в бессмысленном общении и считают, что две головы лучше одной. Это часто происходит от их слабости и безответственности. Поэтому они не понимают тебя.

Есть люди, у которых все на виду, показуха сопутствует любому их поступку, все делается для зрителей. А есть такие, что подобны древним римским дворцам – серым и непривлекательным с виду зданиям без окон и украшений. Зато внутри они полны богатого убранства, комфорта и роскоши. Мир твоих фантазий и увлечений можно сравнить с таким роскошным убранством. Здесь тебе никогда не скучно, но посторонних ты сюда не впускаешь.

Действительно серьезно – это твои проблемы, связанные с контактами, с общением. Однако это еще не повод, чтобы стесняться и не принимать себя, такого необщительного и непохожего на других. Со временем у тебя появится жизненный опыт и мудрость, которые позволят преодолеть скованность. И тогда твой облик обретет особое очарование и притягательность.

Выбирая работу, ты можешь допустить одну типичную ошибку: решить, что лучше работать там, где мало людей, а не там, где много. Для тебя тяжелее первый вариант, потому что если вместе работает небольшая группа людей, то в общении не отделаешься обычным "Привет!", придется через некоторое время углубять отношения. А вот в большом коллективе, хотя "Привет!" придется говорить чаще, не обязательно вступать в неинтересные разговоры, если тебе этого не хочется.

Конечно, твой характер приносит определенные неудобства и даже лишения. Но если у человека доброжелательное отношение к миру, его принимают с таким характером, каким наградила природа, и не требуют переделать то, что переделать невозможно. Может быть, для тебя лучший выход в том, чтобы, даже не до конца понимая причины поступков и настроений людей, в целом относиться к ним доброжелательно. Да и кто может похвастать тем, что до конца понимает другого человека? Только самоуверенный глупец.

Всегда есть отличный выход из любой неудобной ситуации: над собой можно посмеяться – не обязательно вслух, но обязательно над собой. |

Квентин Тарантино, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Иосиф Бродский, Робин Уильямс, Вуди Ален, Станислав Любшин – что общего у этих знаменитостей? Они неподражаемы. Это так, хотя точнее было бы сказать – они никому не подражают, напротив, подражают им. Их творческий путь – всегда открытие нового измерения, а не просто развитие идеи другого человека. Вместе с тем им свойственна постоянная и глубокая погруженность в себя, в собственные чувства, их выдает внешняя зажатость, отсутствие свободы и спонтанности в общении. И неожиданная для непосвященного в тайну их характера полная, абсолютная, невероятная свобода фантазий, мыслей, планов.

Некоммуникабельность или несоциабельность людей данного типа создают вокруг них атмосферу напряжения и даже угрозы. Странных и нелюдимых, их называют "низиками", чудаками, оригиналами. Однако психически это совершенно нормальные люди. Их единственная проблема – контактность.

Вместе с тем они более проницательны, чем обычные люди, их ассоциативные связи всегда нестандартны, их ум не зашорен схемами. В любую область деятельности они способны внести "революционную" новизну. Гениальное описание человека с подобными качествами дано в "Даре" Владимира Набокова: лишив этих людей общительности, природа щедро наделила их даром.

Развитие такого характера нетрудно распознать. Его **ГЛАВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ** – уход от внешний реальности в мир собственных чувств и фантазий – проявляется раньше, чем характерные черты людей с любым другим типом поведения. Эмоциональная холодность, отсутствие интуиции и ограниченность контактов с людьми отчетливо наблюдаются уже в период полового созревания. Некоторая замкнутость и отгороженность от сверстников хорошо заметны в классе.

Духовное одиночество, как правило, не тяготит подростка, который живет своими необычными для других интересами и увлечениями, со снисходительным пренебрежением или даже неприязнью относясь ко всему, из чего складывается времяпровождение ровесников.

Но порой все же подростки страдают от своего одиночества, неумения общаться, невозможности найти друга по душе. И тогда неудачные попытки завязать приятельские отношения, острая чувствительность, быстрая утомляемость от общения (не знаю, о чем говорить) побуждают их еще глубже замыкаться в себе.

В психологии такое поведение называется аутичной акцентуацией характера.

ОТНОШЕНИЯ СО СВЕРСТНИКАМИ. В любой подростковой аудитории эти ребята бросаются в глаза своей отстраненностью от общего разговора. Отчуждение объясняется прежде всего недостатком интуиции – неумением угадать настроение другого человека. Они не могут почувствовать ни хорошего, ни неприязненного отношения к себе: не могут уловить тот момент, когда надо выслушать, посочувствовать, не оставлять собеседника одного и когда, наоборот, не стоит навязывать свое присутствие.

У некоторых напрочь отсутствует способность к сопереживанию – они не умеют разделить радость и печаль другого, понять обиду, почувствовать чужие волнение и беспокойство. Это и обуславливает их холодность. Подчеркнем, их безразличие вызвано не желанием получать удовольствие от чужой беды, а неспособностью вчувствоваться в страдания других. В итоге общение приносит подросткам одни лишь неприятные переживания.

На первый взгляд кажется, что эти люди живут, не испытывая сколь-либо сильных эмоций. Но в действительности переживаний у них ничуть не меньше, чем у других ребят. Просто их чувства глубоко скрыты. Это делает непонятными и неожиданными для окружающих многие их поступки. Все, что предшествовало содеянному, – весь ход переживаний и мотивы, – как правило, остается за ширмой. Некоторые выходки действительно носят печать чудачества, но в отличие от демонстративных подростков они вовсе не представляют собой спектакля, разыгрываемого с целью привлечь к себе внимание.

Замкнутость затрудняет вхождение подростков в круг сверстников. Некомфортность, неподатливость общему влиянию не позволяют ни слиться с группой, ни подчиниться ей. Попав в подростковую компанию (нередко случайно), они всегда остаются на особом положении. Зачастую подвергаясь насмешкам и даже жестоким преследованиям со стороны других подростков, иногда же, благодаря своей независимости, умению постоять за себя, холодной сдержанности, они внушают уважение, заставляют соблюдать дистанцию.

Но успех в группе сверстников может быть одним из заветных желаний аутичного подростка. В мечтах он рисует окружение, в котором занимает положение вождя и любимца.

УВЛЕЧЕНИЯ И ХОББИ этих ребят обычно ярко выделяются на фоне всех других видов поведения. Их пристрастия отличаются силой, устойчивостью и необычностью. Как правило, это интеллектуально-эстетические хобби. Большинство подростков любят чтение, книги поглощают запоем. Часто любимые занятия бывают чрезвычайно причудливы.

На втором месте стоят хобби, связанные с совершенствованием тела. Стимулом здесь являются неуклюжесть и неловкость, характерные для таких детей. Разумеется, предпочтение они отдают неколлективным видам спорта. Увлечениями делятся с немногими и только если встречают искренний интерес и понимание собеседника. В основном предпочитают скрывать свои интересы, опасаясь непонимания и насмешек.

АЛКОГОЛИЗАЦИЯ среди ушедших в себя подростков – исключительный случай. Большинство из них не любят спиртные напитки. Опьянение не вызывает у них эйфорического состояния (возбуждения, радости, подъема). Уговорам выпить в компании они легко противостоят. Однако некоторые из них считают, что небольшие дозы алкоголя, не вызывая эйфории, могут помочь побороть застенчивость и облегчить контакты. Употребление алкоголя в качестве "коммуникативного допинга" может осуществляться как с приятелями, так и в одиночку.

Определенную угрозу представляют другие дурманящие вещества. Некоторые из них вызывают еще более красочные фантазии, чем те, которыми привыкли жить подростки.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЗАКОНА такими подростками встречается не часто, но если и происходит, то отличается продуманностью преступления и тем, что совершается оно в одиночку.

ТОЧКА НАИМЕНЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ для замкнувшегося в своем мире подростка – ситуация, вынуждающая его постоянно вступать в поверхностные контакты с людьми. Он с трудом переносит такое положение и еще сильнее уходит в себя, становится более закрытым и колючим.

Необщительный подросток может долго терпеть мелочную опеку в быту, подчиняться установленному распорядку, но он будет реагировать мощным протестом на малейшую попытку вторгнуться в мир его фантазий и интересов. Поэтому с ним чрезвычайно трудно установить доверительные отношения. Формальный контакт в этом случае не способен оказать сколь-либо ощутимый эффект. Прихотливая избирательность в выборе симпатий и антипатий обрекает на неудачу любые заранее заготовленные схемы.

Но тем не менее в начале общения взрослым стоит больше говорить самим. А лучшая тема – трудность общения вообще и судьба людей, которым оно особенно тяжело дается.

Когда подросток неожиданно для вас начнет говорить по собственной инициативе, причем иногда на тему далекую и неожиданную, знайте, что это верный признак преодоления психологического барьера. Не прерывайте его. Слушайте.

Необходимо учитывать еще одно свойство подобной акцентуации характера – истощаемость контакта: ребенок может так же вдруг замолкнуть. Попробуйте повернуть беседу на неожиданную тему, иногда хорошим ключом к разговору становится хобби вашего собеседника. Но учтите: он делится только с заинтересованным и знающим собеседником. |

о поединке между характером и внешними обстоятельствами

людмила трубицына
область интересов психолога — психологическая травма, кросс-культурные отношения, путешествия. Она проводит много обучающих тренингов, но предпочитает индивидуальную работу с теми, кто нуждается в психологической помощи. Заведует Московским городским учебно-методическим центром профилактики всех видов химической зависимости при наркологическом клиническом диспансере №5.

Говоря о характере человека, мы часто сталкиваемся с понятиями — темперамент, стиль, личность. Темперамент, полученный нами от рождения, сохраняется в характере, но характер подчиняется уже не биологическим, а социальным законам. Человек овладевает своим темпераментом — и это путь становления характера. Имеет смысл отличать понятия характера и личности в узком смысле (в широком смысле понятие личности может включать и характер, и темперамент, и многое другое). Характер — это, скорее, не "что" делает человек, а "как" он это делает. С личностью обычно связывают некоторые ценностные и целевые установки человека, характер же выступает как внешняя форма их проявления. Иными словами, характер — это форма проявления личности, готовность человека к осуществлению определенных форм, способов действия.

Для простоты предположим, что личность (в узком смысле) остается неизменной. Будет ли меняться характер, если будут меняться обстоятельства? Рассмотрим четыре возможных типа взаимоотношений между характером и ситуацией, в которую попадает человек.

1 Первый случай: **ситуация "старая" и характер "старый"**. Обычное поведение человека в привычных обстоятельствах — это тот самый типичный случай, когда характер формируется, закрепляется и неоднократно проявляется. Это наша повседневная жизнь. Конечно, под словами "старая" ситуация и "старый" характер надо понимать не абсолютную тождественность обстоятельств, а некоторую типичность ситуаций, для которых подходят или кажутся подходящими некоторые уже имеющиеся у человека формы поведения.

2 Другой случай: **ситуация "старая" — характер "новый"**. Интересный "мысленный эксперимент" с изменением характера при неизменности смысловой сферы личности и ситуации, в которой происходит действие, предложил Анри Труайя в фантастическом рассказе "Подопытные кролики". Герои этого рассказа поступали на работу в клинику, где с помощью специальных уколов людям меняли характеры. Они работали "испытателями характеров", каждые десять дней получая новый характер. Герои встретились и полюбили друг друга, когда у него был характер "властный, с оттенком горделивости и едва заметным мистицизмом", а у нее — "нежный с оттенком невинности и зернышком поэтичности". Но через несколько дней она стала "женщиной рассудительной, властной, деловой, любящей хорошо поесть". А он получил сыворотку "мечтательности", но все эти постоянные перемены характера не уничтожали главного — их любви. "Когда он видел ее, ток бежал по его нервам. Он вынужден был признать, что любит ее и сквозь новое обличье. За темпераментом амазонки, который приводил его в отчаяние, за удручавшим его холодным замкнутым лицом притаилось нежное существо, чары которого не рассеялись. Уколы профессора Дюпона изменяли поверхность, но глубинные силы, скрытые уголки души, горячие источники жизни и любви оставались нетронутыми".

В фантастическом рассказе для изменения характера было недостаточно одного желания героев (понадобились специальные уколы). Психологическая правда состоит в том, что в реальной жизни мы не можем менять

характер по желанию. Поэтому столь часто оказываются неисполненными наши бесконечные планы вести себя иначе, по-другому: быть помягче, быть решительнее. Привычка оказывается сильнее "благих намерений". "Кто может сомневаться в ее могуществе, когда увидит, что после стольких обещаний, уверений, формальных обязательств и громких фраз люди продолжают делать и переделывать то же самое, что они уже делали, как будто они те же автоматы, только заведенные привычкой", — писал об этом классик философии Фрэнсис Бэкон.

Характер формируется не вдруг. Чтобы его изменить, нужно переучиваться. Но в реальной жизни нам редко предоставляется возможность учиться новому типу поведения в старых условиях: мы неоднократно повторяем желаемую форму поведения в одних и тех же ситуациях, пока она не станет привычной.

3 Еще один случай: **ситуация изменилась, а характер остался прежним**. Человек часто не осознает изменения ситуации. Привыкнув, например, руководить на работе, родители переносят командный стиль поведения и на отношения с детьми, что ведет к конфликтам. Причем неадекватные формы поведения быстро закрепляются, становятся привычными.

4 И четвертый случай: **с изменением ситуации меняется и поведение**. Это тот процесс, который происходит почти незаметно. Встретившись с человеком после долгой разлуки, мы замечаем изменения его характера, а тем, кто живет рядом, они незаметны. Обратимся к фантастической повести Шекли "Обмен разумов". Переселяясь из тела в тело, человек приобретал одновременно с чужим телом и его определенные привычки и навыки. Приведем в качестве примера рассказ о процессе одевания человека с Земли, оказавшегося в оболочке насекомообразного существа с планеты Цельсий: "...Он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил на манер en gross по щекам. Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой. Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства".

Этот пример показывает насколько тесно связаны ситуация и характер. Прежде мы имели дело в общем-то с уже сформированными характерами, но к этому случаю относится и процесс становления характера. Не выработав еще стереотип поведения в новой ситуации, легче реализовать желаемые формы поведения. Поэтому, чтобы "начать новую жизнь" и не быть рабом своих старых привычек, своего характера, человек порой уезжает из дома, от привычного окружения.

Появление новых форм поведения в ответ на новую ситуацию говорит о гибкости характера. Но чрезвычайно большая гибкость может свидетельствовать об отсутствии характера. Герой Р.Брэдбери — марсианин — принимает облик того, кого хотят видеть люди, с которыми он общается. Но попав в толпу, он гибнет, так как не может остановиться, не может прекратить меняться и стать кем-нибудь одним. Не то же ли случилось бы и с личностью, если бы характер постоянно менялся или просто исчез?

Личность редко остается неизменной. Иногда одновременно с ней меняются и ситуация, и характер, и тогда они вновь соответствуют друг другу. Иногда меняются личность и внешняя ситуация, а характер остается прежним, но теперь он не адекватен ни личности, ни обстоятельствам жизни. Например, после школы в армии, под влиянием новых условий жизни и новых личностных ценностей у юноши формируется новый характер.

Когда в человеке происходят глубокие личностные изменения, а условия его жизни, характер остаются неизменными, и внешне все может выглядеть вполне благополучно, но из-за несоответствия характера личности человека может возникнуть глубокий внутренний конфликт.

Иногда меняются и личность, и характер, но, так как условия действия человека прежние, возникает внешний конфликт. Именно с таким конфликтом мы часто имеем дело, говоря о трудных подростках, о взаимоотношении подростков и взрослых. И тут нужно не пытаться повернуть характер и личность вспять, а перестроить внешнюю ситуацию отношений к подростку.

Вообще оказывается, что характер формируется под влиянием столкновений личности с обстоятельствами жизни человека. Характер оказывается как бы скорлупой, окружающей и защищающей ядро личности (в узком смысле). В одних случаях, когда внешние условия вполне адекватны наиболее полному проявлению личности, характер определяется в первую очередь ее особенностями. В других — он становится ее защитой. Вероятно, понятие психологической защиты тесно связано с понятием характера.

В реальной жизни характер и личность существуют как единое целое. Изменение одного из них неизбежно влечет изменение другого. Известен так называемый синдром Мартина Идена. Человек достигает всего того, к чему стремился, но то, что ранее было значимым для него, вдруг обесценивается, теряет смысл (даже сама жизнь), и это влечет за собой сильнейшие изменения характера. Куда только исчезают уверенность в себе, целеустремленность, трудоспособность?

Есть и противоположный пример влияния личности на характер. Человек влюбился. И появляются в его характере и аккуратность, и привычка следить за своей внешностью, и доброта, и нежность, и многое другое, ранее совершенно ему не присущее.

Но и изменения характера, в свою очередь, не проходят бесследно для личности. Вспомните пьесу Бернарда Шоу "Пигмалион". Таким образом, личность и характер находятся друг с другом в сложных, порой даже противоречивых отношениях, что в конечном счете определяет индивидуальность каждого из нас.

ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ

юрий азаров

У известного психотерапевта Фельденерайза есть такая мысль:

“Образ себя меньше, чем наши потенциальные возможности. При этом образ себя занимает лишь пять процентов возможного”. То есть мы реализуемся лишь в пяти процентах. А остальные девяносто пять? Что они захоронены в бестолковых традициях, в суете и беготне по проторенным тропам невежества?

Мой старший сын Дмитрий владеет пятью языками, его дочка Катя знает три языка и учится в Кембридже. У сына и внучки поразительная работоспособность, выдержка и, самое главное, доброе отношение к людям. Всех этих качеств нет у меня, как нет денег. И фактически сын меня кормит и одевает. Счастье – иметь такое чадо! Он еще издает мои книги, устраивает мои и детские живописные выставки. Последняя была в Третьяковке. Хотел бы научиться такой заботливости.

У младшего сына Федора, ему три года, я учусь потрясающе свежему видению мира: летом он написал двадцать пейзажей маслом!

Хотел бы я быть похожим и на мою одиннадцатилетнюю дочь. Елена по своим живописным сюжетам написала стихи, выступала с ними даже на Международном семинаре по новейшим технологиям образования, а затем сочинила уже на свои стихи музыкальные произведения. Она играет на флейте и гобое, фортепиано и немножко на гитаре. Всего этого я не умею, а учиться поздно. А учусь я по-настоящему у детей трепетной искренности, неприятию авторитарности и неподдельной любви ко всему живому, душевной щедрости и внутренней духовной свободе. Она практически выражает мою педагогику любви и свободы, педагогику общечеловеческих ценностей. |

ЗАМЕТКИ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ

александра ленартович
— директор московской 1321–й школы “Ковчег”
окончание. начало в третьем номере журнала.

В нашей школе учатся дети, страдающие расстройствами эмоционально-волевой сферы. Источником этих расстройств могут стать изначальная, врожденная утонченность психики ребенка, агрессивная социальная среда (неблагополучная семья, неподходящая для данного ученика прежняя школа), различные заболевания (аутизм, эпилепсия, детская шизофрения, гидроцефалия, олигофрения, детский церебральный паралич). У нас есть два класса слабослышащих ребят. Задача школы – адаптировать их к социальной жизни.

Мы опираемся на концепцию мягкой педагогики и принцип интегративного – совместного обучения здоровых и больных детей. Многие из наших учеников из многодетных и неполных семей, значительная часть воспитывается приемными родителями. К нам приходят дети из социально защищенных и незащищенных слоев общества, дети разных национальностей, из семей с разными религиозными убеждениями. Осуществление любого вида интеграции – вопрос непростой, а интеграция религиозная – наиболее тонкий и сложный вопрос.

На большой перемене начинается завтрак. Некоторые ученики не едят (пять-шесть человек или целый класс): время православного поста, а в школьном меню – яйца, мясо, масло, молоко, которые на этот период исключены из рациона в христианских семьях. Другая ситуация – школьная столовая предлагает котлеты из свинины, от которых отказываются дети из мусульманских и ортодоксальных еврейских семей.

Приближается православная Пасха. Для нас это означает, что с 27 апреля часть детей в школу ходить не будут.

Далее выходные дни: 1-3 мая, 9 мая...

Почему бы не сделать и пасхальный период временем отдыха школьников? Поступать иначе – значит разрывать основанную на религии связь родителей и детей – чего делать, конечно же, не следует. Но такой вариант решения проблемы может вызвать возражения родителей, которые принадлежат к иным религиозно-конфессиональным группам или не исповедуют никакой религии.

Есть и другая сторона вопроса. Дети из строго ортодоксальных православных семей (пользуюсь этим заведомо тавтологическим, но понятным термином, поскольку в современном православии существует и либеральное направление) в посты теряют сознание и мало что могут делать. Известны случаи, когда родители особенно ужесточают наказание детей за провинности в период поста. Мы сталкивались с ситуацией, когда ребенка наказывали голодом. И наоборот: “Пасха была, хорошо поели, меня тошнило” (три дня не ходила в школу). Школа в таких случаях должна иметь инструмент влияния на родителей.

В нашей школе читается курс библеистики, истории культуры. Бесспорно, хорошо, когда с детства человек изучает величайшие памятники мировой культуры: Ветхий Завет, Евангелие, вдохновленные ими произведения Пушкина. Но этот обязательный предмет в рамках школьного компонента (1 час в неделю) мы вынуждены сделать факультативным: дети из некоторых семей не допускались на эти уроки. Мы открыли факультатив, где родители вместе с детьми изучают духовную литературу. Он вызывает необыкновенный интерес и у взрослых, и у детей, но хуже всех воспринимают его дети из ортодоксальных православных семей. Дело в том, что программа предусматривает разные толкования памятников культуры, а ортодоксы этого не принимают.

Мне не кажется страшным, что в коридорах нашей светской школы висят картины (мировые культурные памятники), иконы. Против двери — репродукция “Сикстинской мадонны”. (Некоторые родители при входе крестятся, как в храме.)

Возникают проблемы с учебными предметами художественного направления: музыкой, изобразительным искусством. Преподаватель музыки прав, разучивая с детьми песни разных народов, причем не только бытовое пение, но и духовное. Наибольший интерес представляет певческая культура Католической Церкви. Даже маленькие дети поют у нас католические каноны. Стоит ли говорить, что не все родители этим довольны.

В школе разработана программа художественного образования детей. С памятниками Древнего Египта и Древней Греции сложностей обычно не возникает: никто из взрослых всерьез не считает их “религиозными”, да и школьники приучены к изучению мифов. Дети спокойно рисуют, учитель спокойно работает. Но вот наступает эпоха Ветхого Завета и сразу начинаются проблемы, нередко слышишь: “Мне Библию мама читать не велит”, либо “Я лучше буду домик рисовать”. (Учитель читает эпизод из Ветхого Завета, дети слушают и рисуют то, что слышат, каждый по-своему и очень выразительно, без каких-либо заранее заданных образцов.) У нас был эпизод с классом глухих ребят, которые отказались рисовать неопалимую купину (горящий куст). А затем в школу пришли возмущенные родители детей из татарских мусульманских семей.

Библия, Новый Завет всегда стоят в школьном шкафу, некоторых детей и взрослых это раздражает. Поэтому теперь рядом с Библией – Тора и Коран. Сразу показалось, что в школе стало спокойнее.

Обидно не то, что люди во что-то верят или не верят, а то, что они лишают своего ребенка возможности развиваться. Прежде я говорила о маленьких детях, теперь о тех, кому больше двенадцати.

Опыт показывает, что любое религиозное насилие со стороны родителей, школы приводит к непредсказуемому результату. Многие видели детей в черных балахонах. Видели, но не все знают, что обладатели этих капюшонов нередко являются прихожанами сатанинской церкви. Мы провели исследование жизненного пути детей в черных балахонах, и выяснилось, что мамы всех наших сатанистов – прихожане Православной Церкви. И чем ортодоксальнее семья, тем глубже ребенок уходит в сатанинское движение.

Любой психолог, учитель знает, что ребенок двенадцати–шестнадцати лет ищет новые авторитеты. Слабеет его связь с родителями. Религиозное родительское поучение раздражает подростка, и вместе с отторжением поучающего взрослого начинается яростное отторжение религиозных норм.

При изучении любых школьных тем кажется правильным вырабатывать научный, творческий подход к знаниям, предметам, в том числе и религиозным. Пример иного подхода – вопрос в тестах по биологии: “По современным научным представлениям жизнь на Земле возникла:

1. в воде;
2. на поверхности суши;
3. в верхних слоях атмосферы;
4. в результате творения”.

Ученику навязывается определенная идеологическая конструкция, к тому же некорректно сформулированная. (По логике составителей, творение исключает возникновение жизни в той или иной среде.) Применяя этот тест, мы заведомо ставим ребенка на атеистический путь познания. Есть правильный ответ, и этот ответ один.

Возникают учебные трудности и иного рода. Пятый класс читает повесть Гоголя “Майская ночь, или Утопленница”. Учителю звонит мама из православной семьи: “Нельзя ли в заданном вами произведении заменить на что-либо слово “черт”?” Учительница, тоже православная, изумленно спрашивает: “Как вы себе это представляете?” – “Зачеркнуть, оставить букву “ч”...”.

Гоголь доставляет нам немало хлопот не только религиозного, но и национального свойства: предлагают, скажем, изъять часть текста “Тараса Бульбы”. Непросто обстоит дело и с поэзией Лермонтова: “Злой чечен ползет на берег...”

Часть учеников пришли к нам по причине религиозных преследований в семье. Приводят мальчика в девятый класс. Отец – известный иконописец, в семье восемь детей. Все остальные дети благополучны, любимы и учатся в православной гимназии. Этот – чудный мальчик, но родители решили его от остальных детей изолировать. Мать объясняет это так: “Он у нас всегда был непутевым. Мы не можем его с остальными детьми соединить, чтобы он их не портил. Еще когда маленькими были, в церковь придем – все дети с одухотворенными лицами на батюшку смотрят, а этот у ангелочков крылышки отламывает”. Так от нетерпимости рождается семейная разобщенность.

Дети бессильны противостоять как религиозной одержимости взрослых, проявляющих “ревность не по разуму”, так и их невежественному духовному бесчувствию, именуемому материализмом, прагматизмом или как угодно еще. И кто в подобной ситуации поможет ребенку. Школа?

Вряд ли есть готовые типовые рецепты выхода из противоречивых, непредсказуемых и весьма тонких коллизий, связанных с духовной жизнью и семейным воспитанием детей – учеников нынешней школы. Соблазн духовного авторитаризма дает обманчивое ощущение прочности избранного, всякий раз “единственно верного”, универсального стереотипа. Единственное, чем можно и нужно руководствоваться, – всегда исходить из интересов ребенка. Всякий человек достоин уважения и имеет право быть неповторимым и единственным во всех своих личностных проявлениях и убеждениях, включая жизненные установки и видение реальности. Любая форма духовного насилия противоречит смыслу понятия личности, которая, по определению, — бесконечно ценное, уникально-неповторимое в каждом из нас, творчески активное и свободное в каждом человеке.

Человек – духовное существо. Его путь к своим глубинам – всегда тайна. Наша педагогическая задача — разглядеть суть личности ребенка и помочь ее становлению. Взаимодействие выстраивается как плюрализм – законное существование множества духовных, культурных, идейных и вкусовых позиций на одном социальном плацдарме. Освобождая наших детей от духовного гнета, давая им возможность широкого и непредвзятого взгляда на мир, мы избавляем их от значительной части недугов и печалей, отравляющих детство.

УРОКИ НА КОРТОЧКАХ

Слова зимние, слова летние
Слова, что в ладонях согреть
Слова, что в ладонях согреть и вырастить
самостоятельности первые ростки, первый сигнал самости
Слова, что в ладонях согреть и вырастить
Слова, что в ладонях согреть и вырастить
Фельдшер-педагогика, учитель-фельдшер
Фельдшер-педагогика, учитель-фельдшер
Фельдшер-педагогика, учитель-фельдшер

Урок темой: **Могу ли мы знать о младшем мир?**
Пусть мы знаем о младшем мир, но знаем ли мы знаем о младшем мир?

С высоты его маленького роста

Обычно мы не замечаем, как разговариваем с детьми. Вот учитель объясняет задачу: «Представьте, что у вас в руках пятнадцать рублей, вы пошли в магазин и купили четыреста сливы. Вы сливы. Много денег тратит, остановитесь, затрудняется в тратящего». Вроде бы ничего плохого. Но ребенок в классе сидит и думает: «Я-то тратить, а у меня-то нет».

А вот сосед сделал карьеру: дивизия сидит за столом, стратегически рассматривает карту, отдает приказы, ему подчиняются. Но вот ему сообщают, что в соседнем дворе мальчик, ровесник его сына, пренебрежительно и жестоко, будет задружен, он сидит, ему подчиняется, а мальчик, будет задружен, он сидит, ему подчиняется, а мальчик, будет задружен, он сидит, ему подчиняется, а мальчик

как научиться слушать друг друга без предубеждений и пристрастий

светлана Кричевцова
– кандидат психологических наук – научный руководитель Центра социально-психологической адаптации "Генезис", член редакционного совета нашего журнала.

Умеете ли вы слушать? Не в смысле "все ли у вас в порядке со слухом?", а в том самом, не медицинском. Я – далеко не всегда.

— Мама, какая сегодня замечательная погода!

— Да погуляю, погуляю я с Федькой, не волнуйся, ещё куда собраться... Контекстное восприятие смыслов. Откуда берутся эти самые контексты? Сколько трагедий и несложившихся отношений, недоразумений и конфликтов происходит просто потому, что мы не поняли, что на самом деле нам хотели сообщить.

То, как мы слышим мир, – это не столько отражение реальной картины мира, сколько портрет нас сегодняшних. "Я – это то, как я слышу мир, если отбросить все маски, которыми я пользуюсь", – говорит поэтессе мудрец, искренне полагая, что все смыслы нейтрального по большому счету мира исходят от самого человека. Хочешь, живи в мире светлом и осмысленном, хочешь – в неправедливом и угрожающем. Мы слышим так, как можем, то, что можем. И не слышим того, что пока не можем услышать, хоть повторяй нам великие истины по десять раз в день, пишь их черным по белому.

Слушание – это навык, или способность, на которой базируются все без исключения умения, позволяющие строить диалог с миром и самим собой. О некоторых из них – об умении выразить свою просьбу, умении отказать и исправить сделанную ошибку – мы писали в предыдущих номерах журнала.

Казалось бы, несложное умение: следовать инструкции. Ничего особенного: ты соглашаешься кому-то помочь, получаешь "инструкцию", делаешь, что нужно. Но вот рассказ знакомой пожилой учительницы: "Ехала я на дачу, подошла дежурная. И мне автобусу меня высадили: сожу на остановке в городу, двигаться не могу, ножкою с трудом. Идут мимо люди, нескольких человек попросила: пожалуйста, если доберетесь до телефона, позвоните моему мужу на работу, вот номер, имя-отчество, скажите, пусть за мной сюда приедет. Сама домой не добегусь. Пришлось ночевать в городе. Ночью мне стало плохо, наконец приехал мой Петрович и рассказывает: "Еще утром позвонил кто-то на работу, трубку взял начальник отдела и сообщил: "Ваша жена – в городу. Ей плохо". Он спохватился, пробегал полдня, обыскал весь сад. Никого не нашел, возмущается: представляешь, как жестоко кто-то пошутил! Только после обеда какая-то женщина позвонила и передала сообщение правильно: не в городу, а на остановке автобуса "Городъ". И сказала, для кого сообщение..."

Если бы гонец отца Лоренцо точно выполнил его инструкцию, не было бы, возможно, трагедии Ромео и Джульетты. И разве только этой трагедии. Почему же это случается с нами раз за разом, поколение за поколением? Что мешает слушать, СЛЫШАТЬ? "Испорченный телефон" особенно озадачивает, когда в общении нет ничего угрожающего или лечного, а значит, недопонимание трудно списать на помощи слушателя. Какие же объяснения этому феномену предлагает психология?

Одно из них – слабое развитие социального интеллекта. Жан Пиаже описал механизм развития интеллекта. Феномены Пиаже – жеснучкин и экспериментальной, и жизненной психологии. Не вдаваясь в описание процедур, приведу бытовой аналог одного из феноменов: "Танечка, у тебя есть сестра?" – "Да". – "А что у тебя есть сестра?" – "Нет". В этом ответе – отсутствие способности посмотреть на ситуацию глазами другого, взять на минуту другого. "В комнате четыре угла. В каждом по кошке. Перед каждой кошкой – по три кошки. Сколько в комнате кошек?" – известный тест на эгоцентризм: 12 или восемьдесят 4? Многие взрослые и даже пожилые люди уверены, что картинка перед глазами всех остальных в комнате точно такая же, что и перед их собственными. А потому не обязательно передавать контекст сообщения: мне он понятен, а значит, должен быть понятен и другим. И незачем перестраивать и уточнять услышанное.

Вокруг подобных феноменов ведутся серьезнейшие научные дискуссии психолингвистов и герменевтиков. Однако они не меняют того простого факта, что люди не умеют адекватно передавать информацию или следовать инструкции.

Другое объяснение – влияние на восприятие информации предубеждений, точнее, своеобразных фильтров, которые есть у каждого человека. Когда-то, молодые и влюбленные, мы слышали: "Ты не виновата, сделаешь, исправишь, будем дружить!". Влюбленные как бы фильтруют, отсеивает информацию, противоречащую его идеальной модели мира. Он видит в розовом цвете свою возлюбленную: "Мне нравится все, что ты делаешь". Но вот постепенно розовые очки превращаются в пенсне. Тогда можно услышать: "Ты так ничего и не сделала за всё день!", "Ты же обещала!". За этими словами горестный смысл: "Я так и знал" или "Мне не нравится все, что ты делаешь"... Так по очереди используют розовый или серый "фильтр" некоторые учителя, выстраивая отношения с любимыми и нелюбимыми учениками.

За этими фильтрами выступают установки личности, которые во многом и определяют смысл услышанного. Одновременно отражают особенности каждого из нас, их обладателей. Важно понять, что смысл сообщениям придаем мы сами. И наши предубеждения, и каузальная атрибуция – потребность постоянно приписывать причины поведению других людей, даже когда мы не знаем об их внутреннем состоянии, – и фильтры принадлежат только нам. Следовательно, мы можем ими управлять.

Сами по себе фильтры не плохи и не хороши. Некоторые из них очень помогают нам жить, другие – когда-то были необходимы, а теперь стали тяжелым грузом прошлого: висят и мешают.

Представьте, что вы слушаете разных людей в разных обстоятельствах. Вспомните момент, когда вас водили за нос. Как воспринимали эту ситуацию вы тогда? А вот вас соблазняют деньгами. Как теперь реагируете вы? На тренинговых занятиях взрослые обычно говорят так: "В этот момент я чувствовала, что не верю". "Думала, нравилось ли я?" или "Хотела помочь". Зная, что "Я знаю", "Я лучше", "Я хуже", "Не опрадала ожиданий". Фиксировать, анализировать свои фильтры, свои предубеждения, ожидания – увлекательное и полезное занятие. "Саша, как дела у Маринки, что она делала летом?" – "Мне, к моу сожалению отдохнуть в собственном доме, что перед их собственным... А потому не обязательно передавать контекст сообщения: мне он понятен, а значит, должен быть понятен и другим. И незачем перестраивать и уточнять услышанное.

Вокруг подобных феноменов ведутся серьезнейшие научные дискуссии психолингвистов и герменевтиков. Однако они не меняют того простого факта, что люди не умеют адекватно передавать информацию или следовать инструкции.

Другое объяснение – влияние на восприятие информации предубеждений, точнее, своеобразных фильтров, которые есть у каждого человека. Когда-то, молодые и влюбленные, мы слышали: "Ты не виновата, сделаешь, исправишь, будем дружить!". Влюбленные как бы фильтрует, отсеивает информацию, противоречащую его идеальной модели мира. Он видит в розовом цвете свою возлюбленную: "Мне нравится все, что ты делаешь". Но вот постепенно розовые очки превращаются в пенсне. Тогда можно услышать: "Ты так ничего и не сделала за весь день!", "Ты же обещала!". За этими словами горестный смысл: "Я так и знал" или "Мне не нравится все, что ты делаешь"... Так по очереди используют розовый или серый "фильтр" некоторые учителя, выстраивая отношения с любимыми и нелюбимыми учениками.

Сами по себе фильтры не плохи и не хороши. Некоторые из них очень помогают нам жить, другие – когда-то были необходимы, а теперь стали тяжелым грузом прошлого: висят и мешают.

Секрет поединочки себе себя заключается в том, чтобы, обнаружив фильтр в тот момент, когда он работает, опознать его, но не осудить. Просто принять. Именно тогда подобно чуду возникает момент свободы, точка выбора, когда можно продолжать отдаваться его власти или освободиться от него. Некоторые философы определяют свободу как момент рефлексии собственного ограничения – здесь и сейчас.

Знать свои фильтры, себя так же полезно, как знать номер собственного паспорта или номер машины. Их не- много, а в основе – всего один или два. Эти базовые фильтры отражают основные ценности и смысл жизненности, то, что ей на этом отрезке жизни на самом деле дорого. Без маски и прикрас. Люди, привыкшие за "читаемое" послание: "Ты не сможешь меня задеть, пока я сама не решу быть задетой". На провокационные вопросы вы отвечаете так, как будто речь идет о погоде. Невозмутимо.

Мертвая тишина в классе. Учительница склонилась над классным журналом и неумолимо продвигается по списку фамилий к букве "П". Ваня Птичкин не выдерживает:

"Елена Евгеньевна, а почему у вас усы растут?" Невозмутимый, "легкий" ответ: "Наверное, кабыльи мозги в организме... Ну что ж, к доске пойдет..."

Активное слушание необходимо, когда вам важно понять мысль собеседника.

Задавайте уточняющие вопросы. Перефоруируйте мысль своими словами. Хотите понять суть высказывания – не поторопите чужие слова. За словами у разных людей могут стоять разные реальности. Проясняйте содержание услышанного до тех пор, пока вам не скажут: да, вы меня поняли верно.

Не забывайте об ответственности и за свои слова: "Я тебя правильно понял, что...?"

Интересно, что в процессе активного слушания многие люди уточняют свою мысль, в том числе для себя. Иногда первоначальный смысл сообщения настолько трансформируется, что из абсолютно отторгаемого оно становится вполне приемлемым для вас.

Активное слушание помогает сотрудничать, согласовывать действия. Но у него есть и другие возможности. Скажем, к вам обращаются с диадной позиции "сверху", ожидая, что вы начнете оправдываться. А вы вместо этого выдаете активное слушание, вступаете в разговор на равных.

Почти каждый маленький ребенок надеется основным инстинктом – способностью без слов понимать, что чувствует взрослый, находящийся рядом с ним. Поэтому дети заливаются кроком, когда их хочет взять на руки напряженный, встревоженный, разозленный человек. Это позволяет им выжить. Эта способность потом теряется почти безвозвратно и возвращается в результате долгих тренировок и только к некоторым в виде самого сложного для взрослого типа слушания – эмпатического.

Эмпатическое слушание требует особого душевного настроя. Принять человека просто почему, что он решил поделиться с тобой своими бедами и радостями, безусловно, не так легко. Для этого требуется как бы освободить место в собственной душе для его проблемы. Если в душе моей много собственных нерешенных и "нарыкованных" проблем – никакого эмпатического слушания не получится. Не сможет человек почувствовать душу собеседника, разобраться в чувствах, которые "слышны" за словами. Получается, чтобы стать хорошим слушателем, надо сначала стать счастливым человеком (самопознание и принятие собственных фильтров и проблем)...

Функцию эмпатического слушания хорошо передает метафора зеркала: "Я возвращаю тебе тебя самого для того, чтобы, увидев себя во мне, лучше понял, что же с тобой происходит". Моя задача очень проста. Никаких советов, ничего навязывать или манипулятивного. Я иду за тобой или на полшага впереди, но не сзади. Я отражаю твои чувства, называю их тебе по имени: "Ты огорчен этим?", "В твоих словах я слышу боль..." Это кажется таким простым, но попробуйте отобразить и точно назвать, что именно чувствует сейчас ваш собеседник. Чувства сложны и амбивалентны, и о своей боли он может говорить с улыбкой смущения, а о радости – с напряженными челюстями.

Как научиться понимать собеседника, не важно взрослый это человек или ребенок? Начните с простого: вспомните как называются чувства, их оттенки. (Такие слова нельзя назвать общепотребимыми, хотя они и есть в любом языке, в том числе и в русском.)

Понаблюдайте за жизнью чувств. Возможно, вы увидите, что мы можем чувствовать одновременно тревогу и радость, испытывать ненависть и желание, раздражение и нежность. Обнаружите, что под поверхностным чувством лежит всё более глубокое: гнев прикрывает страх и неуверенность в безопасности; а апатия нередко становится резервуаром невысказанного гнева.

Мама с дочкой садятся возле телевизора, по которому идет латиноамериканский телесериал. В отличие от системы Станиславского в латиноамериканской школе актерского искусства актеры не выражают оттенки, нюансы чувства, скорее им присуща чистота, одноплановость и ясность выражения эмоций. Это напоминает азбуку, в которой все просто и понятно. Попробуйте выключить звук телевизора, возьмите по листу бумаги и начните методично записывать, какие чувства выражают герои сериала. А потом сопоставьте написанное.

Подростку можно предложить книги, где в доступной форме, пошагово расписаны основные навыки слушания. Однако сформировать навыки правильного слушания осваиваются на специальных тренингах. В центре "Генезис" мы начинаем с очень серьезной работы с ценностными смыслами подростков: почему мне так важно слышать другого?

Ребята знают, какая конкретно техника применяется в той или иной ситуации, проживают эту ситуацию, отзачивая навык. И постепенно подростки начинают сначала, что когда умеешь слушать другого по-человечески, он чувствует себя значимым, ценным и принятым и относится к тебе с тем же уважением, что правильное слушание гораздо более верный способ обрести друга, чем постоянное стремление показывать себя в лучшем свете.

У человека, научившегося правильно слушать, появляется возможность испытать то, что в психологии называется эмпатической связью между людьми. Это настолько редкое событие, что оно воспринимается почти как чудо и может произойти при встрече двух людей, только когда один из них искренне хочет понять другого.]

Аттатер И. "Я вас слушаю...", М., 1984

Рейнуотер Дж. "Это в ваших силах. Как стать собственным психотерапевтом", М., "Прогресс", 1989

Снайдер Дж. "Курс выживания для подростков", М., "Горизонт", 1995

Шостом Э. "Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор", М., "Дубль-В", 1994

ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ

владимир дашкевич

Я уверен, что имеет большой смысл разговаривать с детьми о наших... взрослых проблемах. Только слушая ребенка, мы можем узнать непредвзятое мнение, мнение человека, который воспринимает мир чисто, не зная традиций, мнений и правил. Дети не обременены домашними рецептами идеологического вранья – и всегда смотрят на вещи прямо – так, как на них и надо смотреть. Даже сочиняя музыку, я учился у своих детей постановке проблемы, задачи – которые они, кстати, почти всегда трезво оценивали и заинтересованно решали.

В критические моменты жизни я всегда учитывал, в первую очередь, точку зрения детей. Размышляя о наших отношениях, я понимаю сейчас, как важно не заглушить врожденное свойство – умение сопереживать. Впрочем, и дети бывают исполнены жестокого экспериментаторства. Когда мне было лет шесть, я играл со щенком и вдруг стал зачем-то выворачивать ему лапки. Опомнился: что я делаю! И хотя уже столько лет прошло, ужас от этой жестокости живет во мне.

Дети никогда не ведут пустопорожних бесед и очень дорожат своим временем. Мы хотим сделать их жизнь комфортной, учим: “Не задавай лишних вопросов!” Нам кажется, что так легче понравиться учителю в школе, сделать карьеру. Но на самом деле мы обрываем их развитие. И однажды ребенок понимает, что все его вопросы “лишние”, и он начинает ощущать себя лишним в жизни. Нам кажется, что ребенок поумнел, стал комфортным, а на самом деле он потерял что-то важное в себе. И когда этот послушный ребенок вдруг что-то “выкидывает”, мы удивляемся: как он мог? А виноваты мы сами: загнали сына или дочь в умственную резервацию, лишили способности критически воспринимать реальность, делать выбор. Так рождается инфантильность, неумение быть ответственным за свою жизнь, из которого проистекают и коллективная безответственность, и чувство обиды на всех, кто обладает свободой и ответственностью. |

КОМПЬЮТЕР И СОЦИОЛОГИЯ ПОДРОСТКОВОГО НЕРАВЕНСТВА

юлия евстигнеева, владимир собкин

Автор исследования социокультурных ориентаций школьников и учителей современной российской школы Владимир Собкин – доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, директор Центра социологии образования РАО. Область интересов психолога Юлии Евстигнеевой – изучение социальных аспектов разных областей применения компьютерных технологий. Статья Юлии Евстигнеевой и Владимира Собкина – первая в нашей стране попытка эмпирического исследования особенностей влияния социальных факторов на приобщение школьников к новым информационным технологиям. Материал основан на результатах социологического опроса 977 учащихся 7-х, 9-х и 11-х классов, проведенного Центром социологии образования РАО.

Как правило, при обсуждении проблем использования компьютеров в образовании акцент ставится на том, насколько эффективно компьютер может использоваться при обучении. В первую очередь, внимание обращается на огромные возможности новых технологий по расширению информационной среды и доступности информации. Другой классический сюжет – влияние компьютеров на физическое и психическое здоровье ребенка. В данном случае, наоборот, внимание чаще акцентируется на негативных моментах. На наш взгляд, эти две позиции не исчерпывают данную проблему.

Развитие компьютерных технологий кардинальным образом изменяет подростковую субкультуру, а если говорить шире, то и всю социальную ситуацию развития современного подростка. Именно на этот социокультурный аспект трансформации современного детства мы хотим обратить внимание. Вопрос этот крайне сложен и многогранен. Мы попытаемся рассмотреть лишь один классический для социологии сюжет: социальное неравенство и использование новых информационных технологий.

Первое знакомство с компьютером

Попытаемся ответить на вопрос: "Существуют ли различия между тем, как дети из разных социальных слоев используют компьютер?". На первом графике приведены данные о том, когда начали пользоваться компьютером семиклассники из семей с разным социальным статусом.

Примерно половине детей (45,5%) из недостаточно- и малообеспеченных семей никогда ранее не приходилось работать на компьютере. В среднеобеспеченных семьях доля таких ребят – 16,1%; в высокообеспеченных – всего лишь 6,3%. Показательна и другая тенденция: два года назад впервые реально смогли работать на компьютере лишь три процента семиклассников из недостаточно- и малообеспеченных семей, 17,8% – из среднеобеспеченных и 21,9% из высокообеспеченных семей. Сходная тенденция обнаружена и относительно еще более раннего этапа знакомства с компьютером – три года назад. Соответственно: 9,1%; 34,3% и 37,5%. Неравенство в доступе к компьютерным технологиям среди школьников очевидно, причем отчетливо оно проявляется уже на раннем этапе младшего подросткового возраста – в 11—12 лет.

Материалы нашего исследования показывают, что к девятому классу различия между школьниками из разных социальных страт существенно нивелируются. Среди девятиклассников из недостаточно- и малообеспеченных семей только 6,5% отмечают, что никогда ранее не пользовались компьютером (напомню, в седьмом классе их было 45,5%).

Такое резкое изменение по сравнению с седьмым классом можно было бы объяснить влиянием школьного образования. Но курс информатики вводится, как правило, в старшем звене школы, поэтому можно предположить, что на отмеченный сдвиг в доступности компьютеров влияет скорее своеобразие субкультуры старшего подросткового возраста.

Где школьник пользуется компьютером

Мы провели специальный анализ, направленный на выявление особенностей пользования компьютером в школе, дома, в компьютерном клубе и на работе у родителей. Наиболее показателен ответ: "у меня нет возможности пользоваться компьютером в школе, дома, в компьютерном классе, на работе у родителей". (Данные приведены на втором графике.)

Школа – единственное место, где использование компьютера не зависит от уровня материального статуса семей учеников. (Здесь процент детей из разных социальных групп примерно одинаков.) В принципе, эти данные могут свидетельствовать о достаточном демократизме современной российской школы.

То, что существует неравенство между детьми из бедных, среднеобеспеченных и богатых семей в возможности пользоваться компьютером дома, факт вполне предсказуемый. Здесь мы лишь подтверждаем различия между детьми, которые являются следствием стремительного социального расслоения общества. В доступности пользования компьютерами в кружках и на работе у родителей тенденции не столь очевидны. Однако и здесь мы видим отчетливую динамику, фиксирующую социальное неравенство. Позволим себе небольшой комментарий.

Обратим внимание на систему дополнительного образования – компьютерные клубы. Они оказываются в гораздо большей степени доступны детям из богатого и среднеобеспеченного слоев. Система дополнительного образования невольно работает на усиление социального неравенства в доступе детей к компьютерным технологиям. Компьютерные клубы и кружки (в силу платности предоставляемых ими услуг) оказываются малодоступными для малообеспеченных социальных групп. Кроме того, по-видимому, родители детей из среднего и высокообеспеченного слоев в гораздо большей степени ощущают необходимость освоения детьми компьютерных технологий, и в этом смысле сектор дополнительного компьютерного образования они "формируют и выстраивают под себя". В свою очередь на потребности именно этих социальных групп ориентируются подростковые клубы.

Достаточно неожиданным оказался факт высокого процента школьников, пользующихся компьютером на работе у своих родителей. Такая возможность принципиально отличает детей из недостаточно- и малообеспеченных семей, с одной стороны, и из средне- и высокообеспеченных, с другой. Подобные различия, с нашей точки зрения, можно объяснить тем, что родители из среднего и высокообеспеченного слоев занимают соответствующий социально-профессиональный статус в своей организации, который дает им возможность использовать компьютерные средства на работе для приобщения детей к компьютерным технологиям. Напротив, социально-профессиональный статус малообеспеченных родителей в своей организации низок, и они не могут использовать этот неформальный канал.

Таким образом, мы видим, что лишь школа сегодня ориентирована в своей работе на устранение социального неравенства в доступе детей из разных социальных групп к компьютерным технологиям. За стенами же школы это неравенство проявляется достаточно отчетливо. Очевидно, усиление расслоения подростковой субкультуры в силу существующего социального неравенства общества.

Так ли уж демократична школа?

Рассмотрим влияние социальных факторов и компьютерных технологий на успеваемость школьников.

Принято считать, что школьная оценка отражает лишь успешность ученика непосредственно в самой учебной деятельности. Однако школа – сложноорганизованный социальный институт, и в этой связи можно думать, что оценка фиксирует и слой определенных социально-ролевых и социально-статусных отношений "ученик—ученик" и может являться предметом специального социологического анализа.

В материалах нашего опроса фиксировались оценки школьников за полугодие по алгебре, геометрии, физике, химии, биологии, географии, литературе, истории. На основе этих данных мы определи средний суммарный индекс успеваемости.

Сравнение средних оценок школьников из недостаточно- и малообеспеченных семей с оценками учеников из семей со средним достатком и из высокообеспеченных семей показывает весьма существенные различия. Если средняя оценка мальчиков из малообеспеченных семей составляет 3,83 балла, из среднеобеспеченных – 3,87, то из высокообеспеченных семей она заметно выше – 3,95. Таким образом, можно сделать вывод о том, что фактор материальной обеспеченности семьи существенно дифференцирует уровень школьной успеваемости мальчиков. У девочек основная дифференциация в оценках несколько смещена и обозначает границы между малообеспеченным и среднеобеспеченным слоями, соответственно, 4,04 и 4,16 балла.

Такие различия дают основание для двух интерпретаций. Первая состоит в том, что родители из обеспеченных слоев вкладывают больше средств в образование собственных детей (образование как помещение капитала), используя возможности платных кружков, курсов, репетиторов, и в силу этого обстоятельства дети из обеспеченных семей имеют более высокую школьную успеваемость. В данном случае оценка объективно фиксирует действительно школьные успехи. Вторая интерпретация предполагает смещение акцента на собственно социальный аспект. И в этой связи можно думать, что школа как особая социальная организация оказывается весьма чувствительной к социальному статусу и положению семьи ученика. В данном случае оценка помимо учебных успехов отражает отношение педагогов (не принципиально – сознательное или бессознательное) к социальному положению родителей.

Постановка вопроса о влиянии компьютера на академическую успешность в существенной степени замыкается на проблему статуса семьи. В то же время, не очевидно, какой тип пользования компьютерными технологиями оказывает наиболее позитивное влияние на успеваемость в тех или иных школьных предметах. (Условно можно выделить три разных типа пользователей: регулярно пользующиеся игровыми приставками, регулярно пользующиеся компьютером и регулярно пользующиеся Интернетом.)

Средние оценки мальчиков, пользующихся игровыми приставками по всем восьми предметам, заметно ниже общей средней оценки по соответствующему предмету. Наоборот, регулярные пользователи компьютеров имеют по всем предметам оценки выше средней. Исключение составляет, пожалуй, лишь один учебный предмет – литература, на успешность в котором ни пользование игровой приставкой, ни пользование компьютером не оказывает какого-либо влияния. Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что регулярное использование компьютера позитивно влияет на академическую успешность мальчиков. А пользование игровыми приставками – снижает ее.

В отличие от мальчиков, картина у девочек менее однозначна. По большинству предметов оценки девочек, регулярно пользующихся игровыми приставками, практически не отличаются от общих средних оценок. Регулярное же использование компьютера оказывает явное позитивное влияние на успешность в таких предметах, как алгебра, геометрия, география, литература и история. Положительное влияние на успеваемость в предметах математического цикла (алгебра, геометрия) вполне понятно и объяснимо, несколько неожиданным является факт, фиксирующий более высокие успехи девочек-пользователей компьютером в гуманитарных предметах – истории и литературе. Но здесь следует обратить внимание на то, что и пользование игровыми приставками оказывает позитивное влияние. В этой связи можно думать, что пользование компьютерными средствами обеспечивает развитие определенных способностей, относящихся к аспектам построения сюжетно-ролевых взаимодействий.

Пользование Интернетом, напротив, негативно влияет на учебу практически по всем предметам и у мальчиков, и у девочек. В этой связи можно думать, что подростками и старшеклассниками информационная среда Интернета используется весьма своеобразно. Из богатства информационных возможностей Интернета подростки, регулярно им пользующиеся, выбирают сайты и конференции, которые имеют не столько культурно-познавательную направленность, сколько сексуальную или носят игровой и коммуникативный характер.

Если быть до конца последовательными, то следует признать, что мы все же окончательно не прояснили вопрос о влиянии компьютеров на школьные успехи. И действительно, если, с одной стороны, школьная оценка отражает социальное неравенство (дети из более обеспеченных социальных слоев имеют более высокие оценки), а с другой, те, кто регулярно пользуется компьютером и Интернетом оказываются более успешными в учебной деятельности, то необходимо учесть и тот факт, что "регулярные пользователи" компьютерными технологиями чаще оказываются детьми из обеспеченного слоя. Иными словами, вопрос о непосредственном влиянии компьютеров на школьную успеваемость требует учета еще одной "переменной" – социального статуса семьи школьника.

Итак, влияние социальных факторов на возрастные особенности освоения детьми компьютерных технологий проявляется в разных контекстах. Факты, свидетельствующие о социальном неравенстве в доступе к компьютерным технологиям, требуют, на наш взгляд, не просто разработки программ по компьютеризации системы образования и совершенствованию курса информатики в школе, а построения социально-ориентированной образовательной политики по приобщению малообеспеченных социальных групп к новым компьютерным технологиям.

И, наконец, последнее. Мир компьютерных технологий стремительно меняется. Зафиксированные различия относятся к конкретному этапу конца 90-х годов в России. И в этой связи представленные материалы можно рассматривать как базу для сравнительного анализа при проведении последующих социологических исследований по проблеме "школьник и компьютер". |

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ИГРОВОМУ ОБЩЕСТВУ

новый сабуров
– поэт, пожилых, бродягин, полиник. Когда Сабурова в его собе, то тип за ужасно создавшим. "Энциклопедисты не выжили с небелых этого Сабурова – еще прежнюю правительства и монастырь Сабурова. Россия, в сторону ежегодно на в ней мотивов, он всегда, вне и во всех отместах Мастерца, в ежедневных сабуровых.

*Новогоднюю ребячку дыня как, вина для надеясь, что это как надеясь жалобных дестовой слабых. Хотьте вертим, хотьте нет, то тепло тоже вас обстоит плюс с электростанции сильно. Ежедневные тоже для плюс, вместе, вместе, ежедневные ребятам на вызывать и отвечать в дверь XXI веке, и пытаешься с вызывать сами ребятам. Ежедневные по технологическим вопросам, по информационной теории, по вам. Виктору Ивановичу Всеволодовичу, исследовательский. Ежедневные ребятам, ежедневные ребятам. Ежедневные ребятам. Ежедневные ребятам. Сабуров, он, перешедшие в сторону. Ежедневные ребятам. Ежедневные ребятам. Ежедневные ребятам

КНИГИ |*Дмитрий шеваров/джеймс верч*

Шеваров Дмитрий. *Жители травы. Рассказы. Эссе. Очерки. Литературные путешествия. М., Воскресенье, 2000*

Смейтесь, расставаясь с прошлым! Такое прошлое не заслуживает ничего, кроме смеха. Забудьте свои карусельные лошадки, лоскутные перочистки, мороженое по двадцать две копейки, сборы макулатуры, первый отряд космонавтов и любовь на уборке турнепса! Ничего этого больше не будет никогда!.. Возможно, вы правы, но позвольте мне не смеяться. Скоро вы подрастете, и у вас будет свое прошлое. И еще неизвестно, захочется ли вам смеяться над ним...?" Вот – контрапункт и дыхание книги Дмитрия Шеварова. Ее можно отчасти определить, как "книгу человека 1962 года рождения". Человека, рано созревшего социально. А оттого – успевшего впитать стиль, смысл, пафос и манеру действовать предыдущих поколений. Нежность к жизни честной и ясной, стертой в порошок махиной страны Советов – и сохранившей самое себя.

Пейзаж взывает к акварели и элегии. Он среднерусский или северный. Много серого воздуха, осенней воды, пароходов в затонах, льда, смеха, ячменного кофе и неуклюжести на катках городских парков; яблок, разложенных для запаха, пионерских линеек у памятника партизану Кошкину, кирпичных пятиэтажек, стыльных шалманов у речного вокзала города Вологды с табличкой у кассы "Команды "Зорь" обслуживаются вне очереди"...

А это – наш, реальный пейзаж. Лед, вода, воздух, яблоки, керосиновые лавки, вокзальные шалманы и репродукторы 1960-1980-х даны в ощущении только нам. Ввести их в текст, в словесную, библиотечную вечность можно одним способом – полюбить.

Автор, поклонник Дельвига, – элегичен, но не простодушен, памятлив и приметлив. Лучшее, что было и есть в России XX века, уязвимость этого лучшего, неуместность и неистребимость его – сквозная шеваровская тема.

Что же это, ежели конкретно?

...Коммуналка на 200 душ в стенах Царскосельского Лицея, расселенная только после Отечественной войны.

...Дом-музей Чехова в Ялте в 1994-м: "Сотрудники... живут если не впроголодь, то очень близко к этому. ...Когда я купил к общему столу пачку печенья, они потребовали, чтоб я отвез его детям в Москву".

...Судьба "Девушки у окна" с полотна Петрова-Водкина, Натальи Григорьевны Котляровой-Завалишиной – страшная, как почти любая судьба российского человека 1911 года рождения. Голодный Петроград – в детстве, арест отца – историка и библиографа, посылка в лагерь, вновь пришедшая в дом с крупной надписью "Адресат умер, город Свободный". Университетский диплом, полученный только на четвертом десятке лет. Уважительный отзыв преподавателя образца 1940-х годов: "Много вы поработали. Глубокие знания". И ее комментарий: "А это все были знания, которые восьмилетняя девочка получила из рассказов своего отца в 1919 году...".

Этот мир распадается, он изношен до дыр, его образовательный ценз – там же, где все прочее национальное богатство, его уцелевшие усадьбы превращены в бедные дома отдыха с "подтеками от дождей, протертыми ковриками в коридорах, запахом казенного белья и валерьянки, с табличками на дверях столовой "Поздники отменены"".

Но в развалинах все еще вырастают люди, достойные наследовать царскосельские сады и "Даму с собачкой" на языке оригинала... Люди разных сословий: от блестящего петербургского педиатра – до многократно бритого фермера Федора Левашова и восемнадцатилетней сказочницы Натальи Лазаревой, найденной Шеваровым-журналистом в уральском поселке.

Шеваров – пишет о "своих", ищет "своих", при посредстве словесности – собирает "своих". Явно не зря поминает начищенный до блеска корабельный колокол на теплоходике "Александр Грин". "Зову живых!" звучит в этой камерной прозе (однако ж – не как у блистательного и кипучего публициста-свободолюбца, а именно как корабельный колокол в тумане, осенью, на губернской реке Сухоне)...

Первые среди "своих" – дети. Собственные дочери. И все их поколение, которому необходимо передать умение оборачивать книги, пускать камушки по воде дачного пруда, разводить кусты в оврагах Тарусы, бродить по Питьему рынку среди белых кроликов и громогласных рыбаков, кормить дачное зверье остывшими блинчиками...

"Ежик с Вишневой улицы" – особо хорош для вечернего семейственного чтения вслух: "Стало отчего-то стыдно светить в глаза внимательному и одинокому существу. Мы прочитали в его глазах печальный укор: "Ну разве хорошо, разве порядочно светить мне в глаза фонариком?.." ...День прошел в разговорах о еже, в догадках о его характере, вкусах и семейном положении. Взрослым он казался одиноким, дети утверждали, что у него три ежонка".

"Дней связующая нить" истерлась или пережжена аккурат между ясным в своем простодушии 1962 годом и нынешней Смутой. "Детские" (точнее – "родительские") рассказы Шеварова с их медленными прогулками, поездами, автобусами, Андерсеном, рыжими буксирными собаками, памятью о прокатных коньках 1969 года, дедушке, тоте "Паутинка", авиамодельном кружке – прямая попытка соединить обрывки. Вернуть смятенному племени "жителей травы" способность к самоидентификации... Или – к самостоянью.

То бишь – вернуть право мирных времен и спокойных народов воспроизводить ценности свои в детях, "не думать о прошлых событиях как о поражении", знать, "как хорошо просто жить, какое это веселое занятие, если никто не мешает".

Все вышеперечисленное требует мужества и духовной трезвости по нынешним временам.

Шеваров – на том и стоит. В любви к родному пепелищу и упорствует. |

/ *елена дьякова*

Верч Джеймс *Коллективная память и текстуальные общности. Рукопись, 1999*

Американский психолог Джеймс Верч – большой знаток русской науки и культуры. В своих изысканиях он опирается на идеи Юрия Лотмана, Михаила Бахтина; Льву Выготскому посвящена одна из его монографий. Новая книга Верча продолжает эту культурную традицию, более того – опирается на эмпирический материал, почерпнутый из российской действительности. (Книга готовится к изданию и пока существует только в электронной версии. – Ред.) Автор даже отмечает, что нашел на постсоветском пространстве своего рода "естественную лабораторию", в которой спонтанно протекает "эксперимент", представляющий огромный интерес для вдумчивого наблюдателя.

Кто-то, возможно, сочтет такое замечание обидным и даже припомнит шутку известного сатирика: "Послушайте, а может, они нас для примера держат?!" Впрочем, вины мистера Верча тут нет, в антипатии к России его никак не заподозришь. А вот мы, и правда, способны демонстрировать всему миру потрясающие примеры любого рода. В частности, в области обучения и воспитания, о чем и идет речь в книге американского психолога.

Вообще-то книга имеет труднопроизносимое и не сразу понятное название: "Коллективная память и текстуальные общности: социокультурный анализ", а по сути, она посвящена проблеме школьного учебника как культурного инструмента, с помощью которого не просто усваивается информация, а формируется национальное самосознание, складывается коллективная память народа. Понятно, что в этом аспекте принципиальную роль играет не всякий учебник, а в первую очередь учебник отечественной истории. Джеймс Верч предлагает свое видение проблемы коллективной памяти, опосредованной, если не сказать формируемой специфическими текстами – школьными учебниками.

Что означает для любого из нас национальная идентичность? Каждый россиянин осознает себя представителем великого народа, пережившего острейшие катаклизмы новейшей истории, в частности победившего в великой войне. Однако большинство из нас в этой войне участия не принимали, а то и вовсе родились после ее окончания. Но все мы являемся носителями коллективной памяти о войне.

Самосознание взрослого человека, его представление о том, в какой стране он живет, к какому народу принадлежит, какова историческая судьба (а значит, и перспектива) его страны и народа, зависят от того, из каких источников с детства он черпает информацию. Навязчив, и это имел в виду Гете, утверждавший: "Будущее – в руках школьного учителя". Перефразируя его в духе Верча, можно сказать: "Будущее – под обложкой учебника".

Большой любитель цитат, Верч прибегает к иному литературному источнику – известной антиутопии Джорджа Оруэлла. "Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым". Этот афоризм мог бы послужить замечательным эпиграфом к книге, поскольку довольно точно отражает главную идею автора. Правда, в сочинении Оруэлла речь идет о кардинальном переписывании истории за счет исключения из текстовых хранилищ определенной информации и создания вымышленной информации о несуществовавших событиях и лицах в соответствии с текущими идеологическими установками правящей элиты. Разумеется, это лишь сильная метафора, хотя и навеянная объективными реалиями. Попытки подретушировать образы прошлого предпринимались во все времена. Сегодня некоторые радикально настроенные историки подвергают сомнению даже тексты тысячелетней давности, поскольку те сохранились лишь в списках, вполне вероятно, фальсифицированных.

В качестве эмпирического материала Верч берет события новейшей истории России, в частности, гражданскую и Великую Отечественную войны в их трактовке российскими школьными учебниками.

В 1949 году школьникам Советского Союза надлежало усвоить, что решающим фактором в победе нашей страны над фашизмом был гений Сталина и сама победа знаменовала торжество большевистской идеологии. Последний тезис сохранился в учебниках и шесть лет спустя, а вот роль генералиссимуса заметно поблекла, вдохновителем и организатором победы стала коммунистическая безличная партия. О союзниках упоминается лишь в связи с тем, что они не спешили открывать второй фронт в Европе, перекладывая все тяготы войны на плечи советского народа. Разумеется, ни слова о стратегических просчетах, о бездарных жертвах.

На этом фоне разительно выделяются учебники девяностых годов, где описано и то, как обескровили армию перед войной чекистские репрессии, как подло и глупо было заключено секретное соглашение с фашистами о разделе сфер влияния, какие титанические усилия и жертвы всего народа потребовались, чтобы компенсировать стратегическую недальновидность вождей. Создается впечатление, что современные учебники написаны словно в пику прежним, дабы продемонстрировать: все было не так, как писали раньше.

Анализируя этот феномен, Верч использует понятие внутреннего диалогизма: новый учебник как бы ведет диалог со старым, стремясь доказать ущербность оппонента. Этот диалогизм и определяет основу текста, который может быть адекватен реальности, а может быть – и нет. Вопрос спорный. Автор затрагивает его вскользь, а он-то, наверное, самый важный. Благое дело – уличить идеологов прежних лет в предвзятости и политической ангажированности, заполнить в тех текстах пустоты и изъять преувеличения. Беда, когда заполненные прежние пустоты начинают доминировать в тексте, а борьба с чрезмерными акцентами оборачивается новыми пустотами.

В завершающей главе книги описано небольшое (по масштабу выборки) эмпирическое исследование, в котором Джеймс Верч предпринял попытку выделить специфику коллективной памяти разных поколений. Людям, учившимся в разные годы по разным учебникам, было предложено сформулировать свое представление о второй мировой войне. Многие пожилые люди датировали вторую мировую войну 1941–1945 годами: они в свое время прочно усвоили, что все происходившее за пределами советско-германского фронта – периферия войны или ее малосущественная предыстория. А вот весьма типичный ответ 16-летней девушки: "Вторая мировая война началась в 1939 году и закончилась в 1945 году. НАШИ ПОБЕДИЛИ! Happy end!" Может, за океаном к таким трактовкам не привыкать, но здесь, на земле, усыпанной костями наших дедов, просто оторопь берет, когда поколение NEXT вторую мировую войну путает с троянской. Что же это за коллективная память, в которой точная датировка соседствует с иноязычной формулой мыльной оперы! И такой ли результат ожидали создатели новых учебных текстов — тех самых культурных орудий, опосредующих самосознание народа?

Как любая серьезная книга, новая работа Джеймса Верча оставляет больше вопросов, чем дает ответов. Правда, для американца, даже весьма доброжелательного к нам, это вопросы скорее теоретические, а вот для нас они жизненно важные. |

/ *сергей степанов*

ПРИНОШЕНИЕ | *отец петр (иванов)*

Другу детства Андрюшке Журавлеву

Отец Петр умер спокойно, не доставив окружающим неожиданных хлопот. Он целый год готовил нас к своей смерти и вошел в жизнь иную тридцатисемилетним пастырем. Спустя несколько недель после того, как батюшку отпели и похоронили, наш диакон передал мне пакет с адресом: "Дорогому брату и талантливому педагогу – мои детские и юношеские воспоминания". Я со слезами прочитал свое нечаянное наследство, написанное мелким неразборчивым почерком. Через год маленьким тиражом вышла книга воспоминаний отца Петра, но один рассказ так и остался неопубликованным. Почему-то я не решился включить его в сборник. Некоторое время рукопись так и лежала, пока я не прочел рассказ девятиклассникам. Нужно сказать, что восприняли они его неоднозначно, даже спорили по прочтении. Одни осуждали героев за жестокость, другие оправдывали за искренность, третьи сетовали на непонимание со стороны взрослых. Когда же я сказал, что автор рассказа священник, некоторые из тех, кто осуждал, ретировались и задумались. Этот опыт прочтения подстегнул меня все-таки напечатать рассказ, предоставив возможность читателю самому составить мнение об описанном событии. Но я счел необходимым сопроводить публикацию настоящим комментарием.

/ Сергей Плахотников, учитель

И вдруг – шлепок. Удочка согнулась пополам. Над водой взлетела растопырившая передние лапы огромная лягушка. Она беспомощно дергала задними конечностями, упираясь ими в голову, словно пытаясь вырвать изо рта жало впившегося в губу крючка.

— Давай! Сюда! – закричал один из парней и, бросившись к краю воды, соскользнул ногой в илистое дно пруда. Другой ухватился за леску, и только тогда ему удалось подтянуть беспомощно болтающуюся добычу к себе. Обеими руками держа лягушку и всем телом трясясь от волнения, он кричал:

— Ага, зараза! Есть! Ванька, вылазь из воды! Смотри, какая здоровая тварь!

— Банку! Банку давай! — кричал третий, бросив удочку и прыгая на месте. — Во гадость–то какая!

Они запихали лягушку в пустую консервную банку, но добыча была столь здорова, что задние лапы все же торчали наружу, светясь розово–синими перепонками ласт. Лягушка жалобно пищала. Жестянка служила ей своего рода рупором, и в результате из банки раздавалось жизнеутверждающее мычание. Кто–то из мальчишек схватил удочку, и они побежали через небольшой луг к краю леса на другую сторону пруда, крича от восторга и высоко подпрыгивая. Добежав до опушки, ребята припали к шершавым стволам и тяжело задышали.

Теплый июльский ветер хозяйничал в лесу. Раскачивая кроны берез, он шелестел листвой. Порывы то усиливались, заставляя пестрые стволы напрягаться, то ослабевали.

— Петька, ты давай строгай, а мы пойдем за дровами! — сказал Яшка. Он был старше и часто говорил разумные вещи, поэтому его командный тон никого не обидел и каждый принялся за свое дело – Петька остался строгать, а Ванька и Яшка отправились в лес. С помощью перочинного ножа он выстрогал две толстые палки, освободив их от свежей коры. В каждой сделал неглубокий поперечный надрез и соединил...

— Классный крест в этом году получился! — крикнул подходящий с дровами Яшка. — Долго не сгорит. Ты проволоку–то взял?

— Ну, — ответил Петька, доставая из кармана небольшой моток.

Примотав проволокой одну перекладину к другой, Петька воткнул крест глубоко в небольшой холмик у самых Яшкиных ног.

— Проволока–то еще осталась?

— Осталась, осталась... — сказал Петька и отошел в сторону, любуясь своим творением.

Крест действительно получился отменный. Его было видно издалека. Он был бел, пропорционален и даже величествен.

Подошел Ванька. В одной руке он нес банку с лягушкой, придерживая пальцем оттибающуюся крышку, а другой тащил большую сухую ветку березы. Он остановился и тоже любовался Петькиным творением.

— Давай банку! — крикнул Яшка. Подойдя, он взял жестянку и вытащил за задние лапы огромную бурую лягушку с двумя яркими зелеными полосками вдоль позвоночника и ослепительно белым брюхом. Лягушка дергала задними лапами и была похожа на пловца, привязанного к берегу какой–то невидимой нитью. Она пыталась плыть, но оставалась на месте.

— Давай проволоку! — снова крикнул Яшка и пошел к кресту.

Вдвоем с Петькой они примотали лягушачьи лапы к перекладинам так, что животное словно слилось с крестом. Лягушка висела, выпятив белое пузо, и иногда натужно выгибалась, пытаясь освободиться от сковывавших движение пут.

Ванька ломал ветки и складывал их к подножию креста.

Серое небо, казалось, было безнадежно постоянным. Ветер то усиливался, то ослабевал. Ветки берез склонялись в одном направлении, лишь изредка слегка выпрямляясь. Где–то в лесу раздавался печальный скрип плотно прижавшихся друг к другу стволов.

Костер был готов. Наломанные сучья лежали аккуратным колодцем. Мальчишки встали вокруг креста.

— Богу леса и пруда принесем эту жертву! — сказал Яшка торжественно и посмотрел на своих друзей. Мальчишки были серьезны и не думали возражать.

Яшка опустился на колени и, достав из кармана газету и спички, запалил костер. Петька и Ванька тоже опустились на колени.

Пламя занималось медленно, но газет было достаточно, чтобы огонь противостоял ветру и постепенно охватил подножие креста.

Яшка подкладывал сухие сучья.

Петька с Ванькой отвернулись от костра и, словно по команде, крепко зажмурились.

Лягушка, почувствовав присутствие неминуемой гибели, начала истово извиваться. Задние ее лапы уже почернели в языках пламени, пальцы скрючились. Лягушка издала отчаянный крик. Судорога пробежала по всему ее телу. Одна из передних лап вдруг вырвалась, и животное, почувствовав некоторую свободу, задергалось на кресте с еще большей силой.

— Петька, Петька, давай подкладывай, а то она вырвется! Что ж ты так примотал фигово?! — с досады крикнул Яшка.

— Это ты приматывал! — с обидой, и не поворачиваясь к костру, прокричал Петька в лес.

Но пламени уже было достаточно для того, чтобы не ссориться. Лягушка, вздрогнув последний раз, вдруг как-то неестественно вытянулась и замерла. Ветер раздул огонь, и костер запылал, словно в него плеснули керосина.

Мальчишки сидели вокруг догорающего костра. Крест почернел и накренился. Лягушку можно было опознать с трудом. Она превратилась в черную обуглившуюся коряжку.

— В прошлом году хоть ноги были сухие, — с досадой произнес Ванька и придвинул к костру мокрую штанину, перепачканную илом и налипшей зеленью ряски.

— Ах вы, злодеи!

Ребята подняли глаза и увидели женщину с палкой, пакетом и букетом подвядших полевых цветов. Женщина была явно из пионерлагерских — в спортивном костюме и резиновых сапогах.

— Ах вы, ироды! Что с животным сделали?! — женщина затряслась и, размахнувшись, наотмашь огрела Ваньку по спине палкой. — Ах вы, фашисты поганые! Убила бы вас!

Ванька вскочил как ошпаренный и, держась за правый бок, рванул в лес. За ним, не разбирая пути, побежал Яшка. Петька схватил обгоревшую лягушку и тоже бросился в лес. Одна передняя лапка так и осталась висеть на перекладине.

Женщина неожиданно расплакалась:

— Ах вы, ироды! Что натворили!.. Как жить–то теперь, если такие маленькие — уже такие жестокие?! Как жить?!

Но мальчишки ничего этого не слышали. Они уже были глубоко в лесу и, тяжело дыша, сидели под большой разлапистой елью.

— Сама фашистка! — выдохнул Петька, глядя на Ваньку, лицо которого было перекошено от боли. — Понаехали тут.. На, ешь. — И Петька протянул раненому другу лягушачью лапку.

Ванька взял лапку и, старательно счистив обуглившуюся кожу, принялся объедать тонкие кости.

— Как курица, — произнес он, жуя лягушатину передними зубами, словно настоящий деликатес.

То же проделали Петька и Яшка. С той лишь разницей, что Яшка достал солонку и посолил свою долю.

Начал накрапывать дождь.

— Удочку там забыли, — с досадой прошептал Яшка.

— Богу леса и пруда слава, — тихо сказал Петька, подставляя черные от углей ладони под капли уже порядком надоевшего за последнюю неделю дождя.

— Бог леса и пруда! Просим тебя об этом лете. Пошли нам столько всего, чего нам надо, сколько мы хотим! — произнес Яшка. И, помолчав, шепотом добавил: "Сделай так, чтоб матери с папкой дали отпуск и мы поехали на море". |